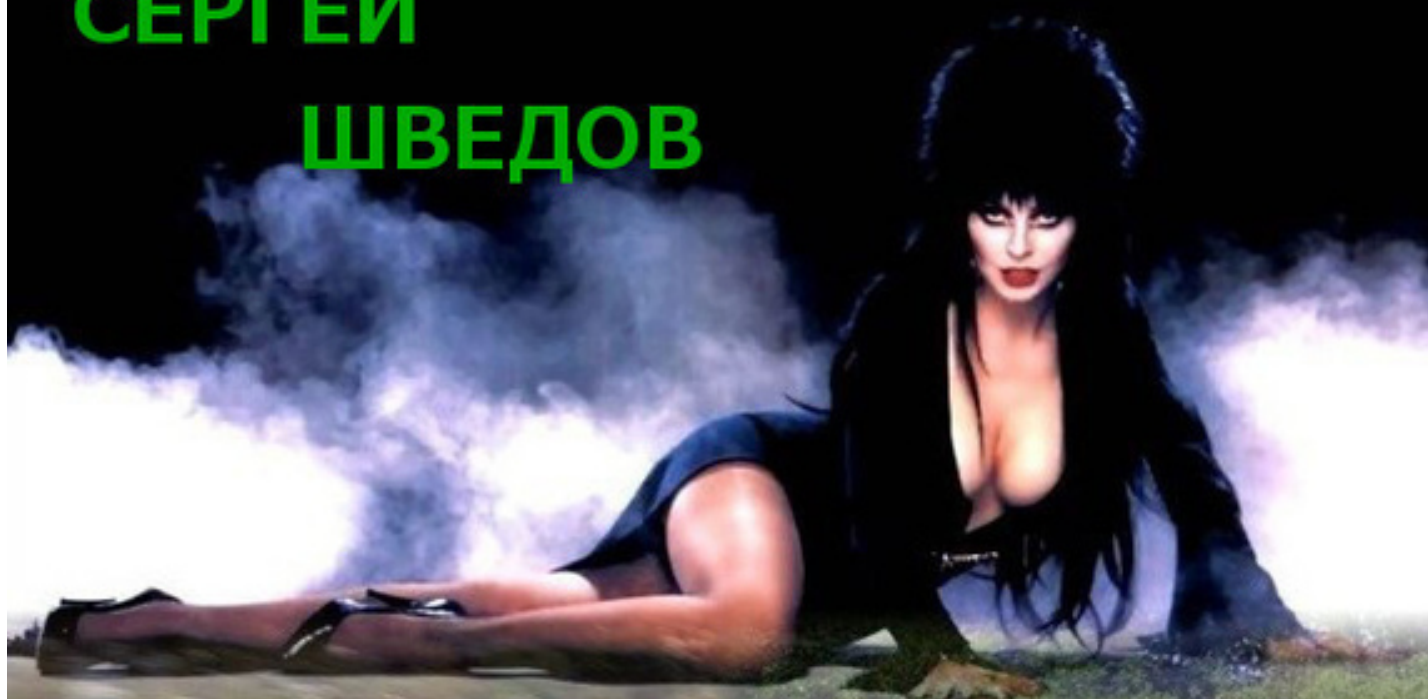

**СЕРГЕЙ
ШВЕДОВ**

ИНКУБ

Сергей Шведов

Инкуб

«Автор»

2014

Шведов С. В.

Инкуб / С. В. Шведов — «Автор», 2014

Видный бизнесмен Брагинский был найден на пороге загородного особняка с разодранным в клочья горлом. Свет на таинственное преступление могло бы пролить послание покойного, продиктованное накануне смерти, но оно лишь поставило в тупик компаньонов Брагинского. Валентин Васильевич утверждал, что зачал своего сына и наследника при участии сатанинских сил. Компаньоны покойного, присмотревшись к наследнику попристальней, вынуждены признать, что Брагинский прав во многом. Таинственный юнец действительно обладает нечеловеческими способностями. Бизнесмены решают устранить помеху, вставшую у них на пути, отдав в залог Злу свои тела и души.

© Шведов С. В., 2014

© Автор, 2014

Сергей Шведов

Инкуб

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Столкновение оказалось столь неожиданным, что Елена сначала услышала истеричный визг тормозов, а уже потом осознала, что сбита человека. «Лексус» остановился в пяти метрах от ворот усадьбы, омываемых лунным призрачным светом. А на дороге белым пятном выделялось тело человека, чья жизнь, похоже, оборвалась в результате чужой безалаберности и легкомыслия. Завадская была пьяна, что в будущем сулило ей большие проблемы. Веселая вечеринка, закончившаяся пятнадцать минут назад, обернулось трагедией. Елене следовало бы прислушаться к предостережению Брагинского и не садиться самой за руль после приличной дозы коньяка, выпитой на юбилее уважаемого человека. Раскинувшаяся на заднем сидении машины Светочка Кобякова растерянно хихикнула и тут же оборвала смех, осознав его неуместность. Светлана, казалась еще пьянее Завадской, но оправданием для нее служила молодость, а вот Елена, достигшая уже тридцати семилетнего рубежа, могла бы вести себя поумнее.

– Надо посмотреть, – прошептала Верещагина, примостившаяся на переднем сидении рядом с Завадской. Зоя при резком торможении ударилась головой о лобовое стекло, и вид у неё сейчас был слегка ошеломлённый. Трезвостью она тоже не блистала, во всяком случае, покачнувшись, выходя из машины, и поспешно оперлась рукой на капот. Завадская медленно двинулась навстречу судьбе, надеясь, если не на чудо, то хотя бы на снисхождение то ли небес, то ли правоохранительных органов. В конце концов, этот несчастный появился перед капотом ее машины столь неожиданно, что любой другой водитель на ее месте не сумел бы избежать столкновения. Не говоря уже о том, что человеку вроде бы неоткуда было взяться в тихом проулке, где с трудом разъезжались две машины, а пешеходы и вовсе считались экзотикой. Элитный поселок – это не место для бродяг.

– Живой! – обрадовалась Зоя, первой склонившаяся над поверженным телом. – Слушай, Елена, а почему он голый?

Завадская, преодолевая головокружение и слабость во всем теле, с трудом нащупала на шее пострадавшего бьющуюся жилку. Пульс был на удивление ровным, казалось, что юноша просто спит, убаюканный ласковым июльским ветерком. Елена огляделась по сторонам, но ничего подозрительного или из ряда вон выходящего не обнаружила. Бетонные заборы тянулись по обеим сторонам дороги, чтобы утонуть, где-то в сумраке ночи. Скорее всего, юнец прыгнул под колеса ее автомобиля именно с забора. Судя по всему, ему пришлось срочно покинуть чужой особняк, не прихватив в дорогу даже трусов, не говоря уже о прочих элементах одежды.

– А ты не догадываешься? – спросила Завадская у впавшей в задумчивость Зои.

– Симпатичный, – отозвалась та с легким смешком. – Может, отвезти его в больницу?

– А кто повезет? – рассердилась Елена. – На трассе меня остановит первый же гаишник.

– Давай вызовем «Скорую».

– Я сама врач, пусть и не практикующий, как-нибудь управлюсь с этим молодчиком.

– Крови нет, – сказала Зоя, осматривая тело. – Похоже, он не слишком пострадал. Ты собираешься оставить его здесь, на асфальте?

– По-твоему, я совсем стерва?! – обиделась Завадская. – Затащим в дом, а там уже разберемся, что это за сокол и кто сломал ему крылья.

До ворот оставалось всего ничего, но донести поверженного в прах юношу до крыльца особняка трем сильно подвыпившим женщинам было трудновато. Тем более что на Светочку в столь трудном деле рассчитывать не приходилось. Во-первых, в силу ее нынешнего состояния, а во-вторых, по причине невысокого роста и слабой физической тренированности. Завадская и Верещагина как носильщицы выглядели куда предпочтительнее.

– Честно говоря, в этом качестве я себя прежде не рассматривала, – засмеялась Зоя. – Но попробовать можно.

К счастью, юношу, коему на первый взгляд исполнилось лет семнадцать-восемнадцать, удалось расшевелить до такой степени, что тот сам поднялся на ноги. Скорее всего, мальчик находился в шоке, во всяком случае, двигался он словно сомнамбула, тяжело опираясь на плечи добровольных помощниц. Ростом он был разве что на сантиметр-другой выше Елены, зато по весу ей явно уступал. До крыльца женщины дотащили его почти без проблем, а дальше произошла непредвиденная задержка – Кобякова никак не могла справиться с замком, и только ругательство, вырвавшееся из уст Елены, заставило, наконец, Светочку подсуетиться.

– Куда его? – спросила задыхаясь Зоя. – Он же грязный.

– Вниз, – распорядилась Завадская, указывая рукой на лестницу, ведущую в полуподвал.

– А зачем? – удивилась Светочка, вертевшаяся у тружениц под ногами.

– Утопим в бассейне, – прохрипела Елена и, обернувшись к опешившей Кобяковой, распорядилась: – Свет включи, дуреха.

В цокольном этаже особняка Завадских находились не только бассейн, но и сауна с душем. Разумеется, и Верещагина, и Кобякова об этом знали, но вконец захмелевшая от коньяка и впечатлений Светочка почему-то решила, что Елена всерьез собирается утопить несчастного отрока.

– Стул принеси, – прикрикнула на нее Завадская. – Что ты раскудахталась как курица.

Подкидыша, так и не обретшего себя в этом мире, усадили на стул прямо посреди душевой кабины, достаточно просторной для трех человек. У Елены наконец-то появилось возможность осмотреть юношу. Начала она естественно с головы. Но ни под черными кудрями, ни на лице она не обнаружила шишек, синяков и ссадин. На левом плече незнакомца обнаружилась свежая царапина, на правом – кровоподтек. Спина, грудь не пострадали. Ребра Завадская ощупывала с особой тщательностью, но юноша никак не отреагировал на ее прикосновения, из чего Елена заключила, что переломов у него, скорее всего, нет. Похоже, удар пришелся в правое бедро и плечо, но подкидыш сумел сгруппироваться, а потому отделался испугом, хотя, вероятно, и не легким, поскольку до сих пор не пришел в себя.

– Жить будет, – констатировала с облегчением Елена.

– А органы не пострадали? – спросила Светочка, заглядывая в душевую.

– Какие еще органы? – рассердилась Завадская.

– Внешние, – хихикнула Кобякова.

– Кто о чем, а заяц о морковке, – пошутила Елена. – Ладно, девушки, смойте с подкидыша грязь, а я пока загоню во двор машину и закрою ворота.

«Лексус» при столкновении не пострадал. Завадская бросила на железного друга почти равнодушный взгляд и села за руль. Машину она сдвинула с места с такой осторожностью, словно та была начинена взрывчаткой – волнение и пережитый страх дали о себе знать. Оказывается, это очень непросто устранить человека, случайно вставшего у тебя на пути. И хотя вины Елены в происшествии не было никакой, в эту минуту она поклялась самой себе, что никогда не сядет за руль даже с каплей алкоголя в крови.

Завадская довольно долго возилась с воротами и с входной дверью. Из подвала доносились повизгивания Светочки и недовольные окрики Зои. Похоже, девочки развлекались в свое удовольствие, и Елена поспешила вниз, дабы приструнить расшалившихся гостей. Зрелище, открывшееся ее глазам, никак нельзя было назвать пристойным. Мокрая с ног до головы Светочка суежилась вокруг подкидыша, мешая Зое заниматься серьезной работой. Похоже, Кобякова решила последовать предосудительному примеру юноши, а потому избавилась от стесняющей движения одежды. На пьяной вакханке не наблюдалась ничего кроме трусиков, пошитых из столь незначительного куска материи, что их можно было вообще не брать в расчет.

– Не трясги грудями перед мальчиком, – сердито шипела на Светочку Зоя. – Видишь, он начинает возбуждаться.

Завадская пресекла безобразие на корню, отправив Кобякову на второй этаж за одеждой. Светочка хоть и с неохотой, но подчинилась. К удивлению Елены, Верещагина тоже вымокла до нитки, во всяком случае, ее легкое летнее платье буквально прилипло к коже, подчеркивая бесспорные достоинства фигуры своей обладательницы. Зоя была моложе Завадской на десять лет и хотя уступала ей в росте, зато превосходила стройностью ухоженного тела.

– Она включила верхний душ и окатила водой не только себя, но и меня, – пожаловалась Верещагина хозяйке дома. – По-моему, ее совсем развезло. А этот вроде очнулся, а потом вновь впал в прострацию.

– Что и немудрено, – хмыкнула Елена, бросив взгляд на внешний орган, о котором так хлопотала Светочка. Вот ведь пьяные дурехи, ввели все-таки мальчика в соблазн. Ситуация выглядела довольно глупо, и это, несмотря на хмель в голове, отлично понимала Зоя, покрасневшая под взглядом старшей подруги.

– Я ничего не делала, клянусь...

– Ладно, – махнула рукой Елена. – Я, пожалуй, сама принесу одежду, а то мы нашу пьянчужку не дождемся.

– А с этим что?

– Покарауль, чтобы не украли, – засмеялась Завадская.

Елене с трудом удалось вытащить из ванны Светочку, потерявшую, похоже, остатки разума. На препровождение Кобяковой в спальню тоже ушло много времени. К счастью, вид кровати произвел на игривую стерву нужное впечатление, и она уткнулась носом в подушку сразу же, как только ничком упала на постель. Завадская терпеть не могла пьяных мужиков, но, оказывается, отдельные особи женского пола ведут себя в сходных обстоятельствах еще хуже. Впрочем, часть вины за разгул мадам Кобяковой лежала все-таки на Елене, ей следовало бы придержать ретивую студентку еще за праздничным столом. Да и Брагинский тоже хорош. Нет чтобы предложить дамам легкого вина, так он напоил их коньяком.

Подкидыш уже очнулся и теперь с удивлением смотрел то на Елену, то на Зою, стоявшую у дверей со спрятанными за спиной руками. Судя по всему, незнакомец никак не мог освоиться в новой обстановке. Завадская поводила перед его лицом указательным пальцем, следя за реакцией. Похоже, поставленный ею диагноз оказался верным – юноша пострадал гораздо меньше, чем этого можно было ожидать.

– Елена Семеновна, – представилась Завадская. – Врач, между прочим.

– Кирилл, – назвал себя молодой человек. – А как я попал сюда?

– Вот тебе полотенце и халат – справишься?

– Да.

– Все расспросы в гостиной, – мягко улыбнулась юноше Елена. – Мы будем ждать тебя там.

Зоя, совсем, видимо, ошалевшая от впечатлений, стала переодеваться здесь же, на глазах молодого человека. Но, к счастью, вовремя спохватилась под укоризненным взглядом Завадской и юркнула в приоткрытую дверь сауны, расположенную рядом с душевой. В гостиной

Верещагина появилась минут через пятнадцать, когда Елена и Кирилл пили чай, сидя друг против друга у небольшого столика.

– А где Светлана? – спросила Верещагина.

– Спит, – махнула рукой хозяйка. – У меня к тебе просьба, Зоя, поднимись на второй этаж и принеси постельное белье для Кирилла. А то я так переволновалась за этот вечер, что меня уже ноги не держат.

– Извините, – сказал Кирилл, провожая глазами Зою. – Я могу уйти.

– Нет уж, – произнесла Елена тоном, не терпящим возражений. – Спать будешь здесь, во избежание новых приключений. Ничего, что я с тобой на «ты»?

– Конечно, – тряхнул влажными волосами подкидыш и посмотрел на хозяйку большими темными глазами.

Возраст Кирилла Завадская угадала точно – вряд ли юноша перешагнул восемнадцатилетний рубеж. Зато определение «симпатичный», данное ему Зоей, было явно недостаточным для этого на редкость красивого молодого человека с густой шапкой черных кудрявых волос. Кроме всего прочего, мальчик был хорошо воспитан. Во всяком случае, глаза он опустил долу сразу же, как только почувствовал беспокойство хозяйки.

– Не спрашиваю, где и с кем ты был, но должна сказать, что сегодня ночью пережила далеко не лучшие мгновения своей жизни.

– Я не хотел вас беспокоить, сударыня, поверьте.

– Это не упрек, – ласково улыбнулась Елена, – просто констатация факта. В следующий раз, когда будешь прыгать через забор, убедись сначала, что не окажешься под колесами машины.

Пока Завадская читала нотацию подкидышу, Зоя успела приготовить ему постель на диване, стоящем у камина. Надо отдать должное Верещагиной, сегодня она проявила себя с самой лучшей стороны, причем в ситуации явно критической. А ведь Елена до сей поры считала ее тихой и даже застенчивой женщиной, находящейся целиком во власти мужа. Встречались они довольно часто, но близкими подругами не были и если бы не сегодняшняя суматошная ночь, то Завадская так, наверное, никогда и не узнала бы, что эта миловидная скромница, всегда одевающаяся хоть и со вкусом, но без вызова, обладает стойким характером.

На втором этаже особняка Завадских кроме ванной комнаты и туалета располагались еще две спальни и кабинет Аркадия Савельевича. Кабинет, разумеется, был заперт, ибо финансовый директор ЗАО «Осирис» терпеть не мог, когда кто-нибудь, включая жену и отсутствующую ныне дочь, вмешивался в его дела.

Зоя остановилась перед трюмо в холле, поправила прическу и спросила, не оборачиваясь, у Завадской:

– Мне идти к Светочке?

– Нет, – махнула рукой Елена. – Ляжешь со мной. У нас и кровать пошире и места в спальне побольше.

Проснувшись Завадская от смутного беспокойства, не отпускавшего ее даже во сне. Сказалось, видимо, пережитое вечером потрясение. Все-таки она здорово испугалась, надо это признать. Особенно в первые минуты, когда еще не знала, жив сбитый ее машиной человек или мертв. Хорошо еще, что все обошлось. Если, конечно, обошлось. Кирилл слишком долго находился в бессознательном состоянии, что могло быть следствием не только шока, но и сотрясения головного мозга. Осторожно, стараясь не разбудить спящую Зою, Елена выскользнула из спальни в холл и прислушалась. Снизу неслись странные звуки, очень напоминающие дыхание астматика. Завадская замерла в предчувствие беды, а потом, опомнившись, рванулась к лестнице, ведущей в гостиную. В гостиной горел торшер. И хотя свет его оказался не очень ярким, Елена отшатнулась и даже вскрикнула от неожиданности. Однако ее крик не был услышан

сладкой парочкой, предающейся блуду прямо на столе, стоящем посреди просторного помещения. Точнее, на столе расположилась Светочка, а подкидыш пристроился сзади, но по движениям их раскрепостившихся от всяких норм приличий тел становилось очевидным, что обоим сейчас очень хорошо, гораздо лучше, чем Елене Семеновне, вынужденной наблюдать за срамным зрелищем сверху. У Завадской, впрочем, хватило такта не прерывать акт любви в самом разгаре. Она просто стояла и слушала охи и вздохи Светочки, которые поначалу приняла за приступ тяжело хворающего человека. Вот негодяи! Ну ладно этот подкидыш, ходок, судя по всему, еще тот, но Кобякова-то, будь она неладна, – замужняя дама! А ведь Елена по простоте душевной считала ее верной женой. Отчасти, возможно, по той причине, что Светочка не выглядела писаной красавицей. И если личико еще можно было назвать симпатичным, то с фигурой возникали проблемы. У Кобяковой были короткие ноги и большая задница. При этом она обожала ходить в джинсах, не боясь насмешек окружающих. Плюс маечка с дурацкой надписью, обтягивающая бугорки, которые при желании конечно можно назвать грудью. Сейчас эти прелести вяло болтались перед глазами Елены, в такт движениям наглого подкидыша. В какой-то миг Завадская даже пожалела, что не задавила распутного негодяя. Во всяком случае, она знала одного человека, который был бы ей за это благодарен. К сожалению, на решительный протест у Елены не хватило сил. Она уже хотела покинуть свой наблюдательный пост, когда почувствовала за спиной шорох. Похоже, сдавленные стоны вакханки долетели до ушей Зои, вызвав у нее раздражение и законный протест.

– Что это? – спросила Верещагина шепотом.

– Молодежь, – усмехнулась Завадская. – Чтоб им пусто было.

Валерий Игоревич Страхов мог бы и не ехать на место преступления. В конце концов, сбор улик, это обязанность оперативников, а не следователя. К сожалению, потерпевшим, а точнее уже покойным, оказался хорошо знакомый ему человек. Но не это было главным. Валентина Васильевича Брагинского, видного бизнесмена, председателя правления ЗАО «Осирис» знала в городе и области каждая собака. Иными словами он был вхож в самые высокие кабинеты, как губернские, так и муниципальные. А потому уже к обеду Страхова наверняка призовут на ковер с отчетом непосредственные начальники, а может быть, и более высокопоставленные деятели, перед которыми сам Бог велел, не ударить в грязь лицом.

Ворота, ведущие в усадьбу бизнесмена, оказались распахнуты настежь. Чего, конечно, следовало ожидать. Оперативник, вышедший навстречу следователю, кивнул на машину «Скорой помощи»:

– Я распорядился, чтобы грузили. Картина, в общем-то, ясна.

Страхов открыл двери видавшего виды уазика и заглянул внутрь. Тело покойного еще не накрыли простыней, и следы преступления оставались на виду. Шея Брагинского была буквально разобрана в клочья, а рубашка на груди казалась коричневой от засохшей крови.

– Он пролежал на улице несколько часов, прежде чем его обнаружили, – пояснил старший лейтенант Кузнецов.

– Показывай, – распорядился Страхов и, обернувшись к фельдшеру, добавил: – Увозите труп, он нам больше не понадобится.

Брагинского обнаружил на заднем дворе охранник. Случилось это уже на рассвете, хотя по прикидкам старшего лейтенанта бизнесмен погиб гораздо раньше – где-то около часа ночи.

– А кроме охранника в доме кто-то был?

– Кухарка, – с готовностью отозвался оперативник на вопрос следователя. – Собственно, она и подняла тревогу, когда заглянула в пустую спальню хозяина.

Страхов не поленился и тщательно осмотрел едва ли не все помещения обширного особняка. Вошел он, естественно, с парадного крыльца. В холле имелись две лестницы, одна из

которых вела на второй этаж, вторая – в подвал. Туалетом следователь пренебрег, зато не постеснялся заглянуть в комнату охранника, расположенную рядом с входной дверью.

– Окно с видом на ворота, – констатировал он очевидное. – Так ты говоришь, Володя, что Козинцев не слышал, как хозяин покинул дом?

– Брагинский вышел на улицу через террасу, – пояснил оперативник. – К парадной двери он даже не подходил.

Гостиная оказалась едва ли не самым большим помещением в доме. К тому же она была соединена проемом с кухней и столовой, что создавало пространственный эффект, столь любимый архитекторами-проектировщиками. Если судить по беспорядку в столовой и гостиной, пирушка затянулась, и прислуга не успела убрать посуду со стола и расставить по местам сдвинутые в угол кресла.

– Гости разъехались около двенадцати ночи, – подтвердил Кузнецов. – Брагинский провожал их с крыльца.

– А мужчин среди них не было? – удивился Страхов.

– Нет, только женщины.

Валерий Игоревич, хорошо знавший покойного, этим утверждением был слегка шокирован. Брагинский никогда не числился в ловеласах, скорее уж его считали женоненавистником. И вдруг такой загул с девочками...

– О девочках даже речи нет, – поправил следователя дошлый оперативник и, откашлявшись, зачитал список имен: – Завадская Елена Семеновна, супруга финансового директора ЗАО «Осирис», солидная дама лет сорока. Верещагина Зоя Васильевна, супруга начальника департамента мэрии, она лет на десять моложе Завадской, и, наконец, Светлана, дочь Петра Петровича Мокшина, которого вы, конечно, знаете.

Солидная компания, ничего не скажешь. Хорошо, что женщины покинули усадьбу раньше, чем погиб хозяин, иначе скандала не избежать. Вице-губернатор Мокшин отличался тяжелым и склочным характером, и уж конечно ринулся бы на защиту своего единственного чада со всем пылом закаленной в бесчисленных политических баталиях натуры.

– Странно, что они приехали в гости к Брагинскому без мужей?

– Так ведь мужей нет в городе, – с охотой отозвался осведомленный Кузнецов. – Завадский уехал в столицу по делам фирмы. Верещагин навещает заболевшую мать. А муж Светланы, Эдуард Кобяков, в служебной командировке.

Все свои сведения старший лейтенант почерпнул у кухарки, на редкость неприятной особы, доводившейся покойному дальней родственницей. Страхов столкнулся с нею в холле второго этажа, куда поднялся вслед за словоохотливым Кузнецовым. Эта невысокого роста женщина со строгим и даже аскетичным лицом всем своим видом напрочь опровергала игристые предположения по поводу возможных интимных отношений с хозяином. Мария Степановна Дробышева после некоторого раздумья открыла все-таки дверь своей комнаты, но Страхов туда не вошел, бросил только взгляд с порога. Зато он долго осматривал кабинет и спальню покойного, со вкусом обставленные дорогой итальянской мебелью. Брагинский слыл в городе человеком далеко не бедным, а потому Валерий Игоревич не слишком удивился количеству дорогих безделушек и старинных книг, расставленных по стеллажам в кабинете.

– Валентин Васильевич знал латынь? – спросил Страхов у кухарки, стывшей в дверях.

– Знал, – сухо отозвалась та.

Страхов вышел на балкон и оглядел задний дворик. Судя по всему, то же самое сделал Брагинский перед сном, ибо, по словам служанки, дверь на балкон так и осталась открытой, хотя обычно Валентин Васильевич ее тщательно запирает. Бизнесмен курил дорогие сигары, но никогда не делал этого в помещении, только на свежем воздухе. Видимо, и в эту роковую для себя ночь, он решил побаловаться хорошим кубинским табаком. Кстати, сигары ему подарила Завадская. Брагинский аккуратно переложил их в шкатулку из красного дерева,

стоявшую на письменном столе. Наверное, Валентину Васильевичу что-то почудилось. И это нечто не столько напугало его, сколько разожгло любопытство, в противном случае он разбудил бы охранника или, на худой конец, снял бы со стены карабин. Страхов проделал роковой путь, приведший Брагинского к смерти. То есть вышел из кабинета, спустился по лестнице в холл, оттуда прошел в гостиную, из гостиной – на террасу и оказался на заднем дворе, густо заросшем декоративным кустарником. Изгородь, отделявшая усадьбу бизнесмена от соседнего участка, не произвела на него большого впечатления. При желании ее легко мог перемахнуть даже не слишком тренированный человек. Но для собаки она была высоковата. Страхов на всякий случай потрогал толстые железные прутья и на собственном опыте убедился, что согнуть их без специального приспособления вряд ли удастся.

– У соседа есть собака?

– Мастифф, – кивнул Кузнецов. – У Валентина Васильевича даже вышел скандал с соседом вчера вечером, когда беспутный кобель облаял его гостью. Я отправил к полковнику Стрельцову лейтенанта Самойленко. Думаю, он сумеет выяснить подробности инцидента.

– А где служит Стрельцов?

– Он отставник. По виду немолодой и выдержанный дядька. Не похоже, что он вдруг воспылал к соседу жадной мести.

– А собака?

– Через изгородь она перепрыгнуть, конечно, не могла, – с сомнением покачал головой Кузнецов. – А вот подкоп не исключается. Есть тут подозрительное отверстие. Человек там не пролезет, а собака очень может быть.

Охранник, рослый длиннорукий детина, произвел на следователя хорошее впечатление, ну хотя бы тем, что огорчился смерти хозяина почти до слез. Николай Козинцев работал у Брагинского уже четыре года и за это время не получил от хозяина ни единого замечания.

– И все четыре года вы прожили в этом доме? – удивился Страхов.

– Нет, – возразил Козинцев, – мы работаем посменно со Степаном Кольцовым. Сутки дежурит он, сутки – я. А в особняк нас перевели два года назад. Прежде здесь не было постоянной охраны.

– Возникли какие-то причины для подобного решения? – нахмурился следователь.

– Вроде нет, – пожал плечами Козинцев.

Конечно, у богатых дядей бывают свои причуды, но, не исключено, что у Брагинского появился враг, способный на решительные поступки. Что там ни говори, а Валентин Васильевич не производил впечатления пугливого человека, к тому же он слыл заядлым охотником, отличным стрелком и в случае крайней нужды мог за себя постоять. К тому же элитный поселок охранялся ражими молодцами, готовыми прийти на помощь по первому же звонку.

Вернувшийся из соседней усадьбы лейтенант Самойленко доложил начальнику, что мастифф мертв. А его хозяин отрицает причастность к убийству не только свою, но и пса.

– Альберта он успел уже закопать, – поморщился оперативник. – Пришлось извлекать труп из земли-матушки.

– Какого еще Альберта? – не понял следователь.

– Собаку так зовут, – усмехнулся лейтенант, смущенно приглаживая рыжеватые волосы. – Полковник утверждает, что мастиффа порвал здоровый черный пес, которого он видел в своем дворе. Я не эксперт, но, похоже, Стрельцов говорит правду. Рана на шее несчастного Альберта почти такая же, как у бизнесмена. Стрельцов утверждает, что мастифф с вечера вел себя странно, метался по двору, облаял женщин и, вообще, всячески демонстрировал свое бесстрашие, словно бросал кому-то вызов.

– Да он романтик, этот твой полковник, – поморщился Страхов.

– В собаках Стрельцов разбирается, – пожал плечами рыжий лейтенант. – А там, кто его знает...

Страхов полковнику не поверил. Мاستифф вполне мог проползти под изгородью и наброситься на несчастного бизнесмена. А потом уползти обратно. Возможно, Стрельцов обнаружил труп Брагинского раньше охранника и догадался, кто стал виновником смерти соседа. Мастиффа он, естественно, убил, дабы избежать ответственности.

– Как тебе моя версия? – обернулся Страхов к Кузнецову.

– Очень возможный вариант развития событий, – кивнул оперативник. – Мастиффа мы отправим на экспертизу, а полковника – в отделение. Надо составить протокол. Лжет он или говорит правду, нам его подпись на казенной бумаге в любом случае не помешает.

– Вот именно, – кивнул Страхов. – Не нравится мне этот рассказ про черного пса, слишком уж отдает дешевым мистицизмом.

– Кстати, о мистике, – спохватился Кузнецов. – Я тут странные вещи в подвале обнаружил.

– А почему шепотом говоришь? – удивился следователь.

– Не хочу, чтобы кухарка слышала, – смущенно откашлялся оперативник.

Вообще-то старший лейтенант Кузнецов никогда застенчивостью не страдал. Страхов знал его не первый год, а потому удивился не на шутку. К тому же его разбирало любопытство. Он последовал за оперативником в подвал, но ничего примечательного там не обнаружил. Не считать же, в самом деле, чудом бассейн и сауну, которые есть едва ли не в каждом здешнем особняке. Самое забавное, что старший лейтенант повел его именно в сауну.

– Я на этот вход случайно наткнулся, – продолжил свой рассказ Кузнецов все тем же драматическим шепотом. – Воля твоя, Валера, но вряд ли можно считать дыбу непременно атрибутом жилища уважаемого российского бизнесмена. Отморозки среди них попадаются еще те, но не до такой же степени.

Более всего Страхова поразило распятие, висевшее на стене. Именно оно сразу же бросилось ему в глаза. А дыбу, расположенную в дальнем углу, он не сразу заметил. Солнечный свет не проникал в это помещение, а фонарик Кузнецова оказался слишком слабым подспорьем для следопытов. Возможно, здесь по углам таились и более интересные вещи, но Страхов натолкнулся только на клещи и какое-то странное приспособление из стальных полос и сыромятных ремней.

– Испанский сапог, – пояснил Кузнецов. – Главный аргумент инквизиторов. Я видел такой на картинке. Обрати внимание на горн там, рядом с дыбой. Обычно подобные используют кузнецы, но я не вижу наковальни. Похоже, кто-то раскалял в нем железный прут добела, а потом прикладывал к телу жертвы.

– У тебя слишком живое воображение, Витя, – хмыкнул Страхов.

– Я же не утверждаю, что это делал Брагинский, – слегка обиделся Кузнецов. – Он вполне мог хранить весь этот инструментарий как антиквариат. Пугая время от времени своих впечатлительных знакомых.

– Пожалуй, – согласился Страхов. – Но подобные шутки не запрещаются законом.

– Есть одно «но», Валера, – вздохнул Кузнецов. – Два года назад я занимался делом наркомана. Тот еще типчик. У него была раздроблена нога, обожжены грудь и руки. Так вот этот чудаку утверждал, что его пытали в застенках инквизиции. Врачи, конечно, над ним посмеялись, но в милицию на всякий случай сообщили. Я успел только раз поговорить с этим парнем, а потом он умер от заражения крови. Дело, естественно, закрыли, тем более что ни родных, ни близких у наркомана не нашлось. А сведения, которые он сообщил, показались многим, и мне в том числе, бредом сумасшедшего.

– Не говори пока никому об этом, – попросил Страхов оперативника. – В конце концов, Брагинский мертв и теперь уже не нам его судить за возможные преступления.

– Надо бы опросить женщин, – не стал спорить со следователем Кузнецов. – Возможно, Брагинский кого-то ждал или чего-то опасался. Не знаю, Валерий Игоревич, что ты об этом

думаешь, но мне отсутствие их мужей в городе в ночь убийства кажется подозрительным. Как будто они заранее побеспокоились о своем алиби.

– Я поговорю с дамами, – кивнул следователь. – Не исключая, что всплывут какие-нибудь странности в поведении покойного, о которых умолчали охранник и кухарка. Слушай, а наследники у Брагинского есть?

– Кухарка говорила о сыне, которому сейчас лет семнадцать-восемнадцать. Но она никогда его не видела. Покойный давно разошелся с женой и почти не упоминал в разговорах об этом факте своей биографии.

Страхову пришлось довольно долго стоять перед закрытыми воротами усадьбы Завадских, пока хозяйка, наконец, соизволила его впустить. Замок сухо щелкнул, и калитка распахнулась без всяких усилий со стороны человека. Валерий Игоревич миновал ухоженный дворик и поднялся на крыльцо особняка, не уступающего размерами дому Брагинского, который он только что покинул. Елена Семеновна встретила его в холле, проявив тем самым любезность по отношению к представителю власти. Страхов первым делом предъявил ей свое удостоверение. И пока Завадская внимательно его изучала, он успел присмотреться к супруге известного финансиста. Это была рослая дама, с хорошо развитыми формами. Размер ее бюста мог бы повергнуть в трепет какого-нибудь прыщавого мальчишку, но Валерий Игоревич считал себя слишком искушенным человеком, чтобы приходить в смущения от вида женских прелестей, столь откровенно выставляемых на показ. Тем не менее, Страхов отметил пестрый халат Завадской, брошенный на голое тело, что объясняло, а возможно и оправдывало его долгое стояние у чужого порога.

– Проходите, – кивнула хозяйка на двери в гостиную, и незваный гость поспешил воспользоваться ее любезным приглашением.

Гостиная оказалась пуста. Страхов наметанным глазом оценил обтянутые желтой кожей кресла, одно из которых ему предложили занять, и диван, стоящий слева от камина. Стол был отодвинут к окну и почему-то застелен белой скатертью, которая не гармонировала ни с обоями, ни с прочей мебелью. Подобное пренебрежение к стилю, явно не характерное для хозяйки особняка, показалась Валерию Игоревичу странным. Впрочем, Страхова все это касалось постольку поскольку, и он не стал обременять Елену Семеновну вопросами, не относящимися к делу. Завадская присела на диван и чуть передвинула маленький столик.

– Кофе? – спросила она равнодушно.

– Если это вас не затруднит.

Пока Елена Семеновна возилась на кухне, Страхов успел побывать на террасе, дверь на которую была приоткрыта. Ничего интересного он там не обнаружил, если не считать экзотических растений, являвшихся, видимо, главной заботой хозяйки. Подниматься на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице Валерий Игоревич не рискнул, хотя его не оставляло ощущение, что в доме есть еще кто-то, пристально следящий за гостем и готовый прийти на помощь Завадской, если в этом возникнет необходимость. Разумеется, Страхов не держал в мыслях ничего худого, но откровенный догляд его раздражал.

– Еще раз извините за вторжение, Елена Семеновна, – поднялся следователь навстречу хозяйке, входящей в гостиную с кофейником в руках. – Меня к этому подвигло одно печальное обстоятельство.

– Надеюсь, никто не умер? – спросила Завадская ровным голосом.

– Увы, – вздохнул Страхов, принимая из ее рук чашечку кофе. – Убит господин Брагинский.

– То есть, как убит?! – воскликнула Елена Семеновна. – Мы же были у него вчера вечером.

– Я знаю, – кивнул следователь. – Именно поэтому решил задать вам несколько вопросов.

– Какой ужас! – печально вздохнула хозяйка, присаживаясь боком на край кресла. – Бедный Валентин Васильевич. Он выглядел таким оживленным вчера.

– Оживленным?

– Брагинский был человеком чопорным, замкнутым, во всяком случае, с женщинами. А вчера он удивил нас всех. Танцевал, расточал комплименты, шутил. Даже подарил мне книгу. С намеком, как он сказал.

– Старинная книга?

– Нет. Современное издание.

– А почему с намеком? – полюбопытствовал Страхов.

– Она называется «Молот ведьм».

– Станный подарок, вы не находите?

– Это была шутка, не более того, – поморщилась Елена Семеновна. – Продолжение комплимента, если хотите.

– Вам польстило сравнение с ведьмой?

– А по-вашему, я должна была оскорбиться? – искренне удивилась Завадская. – Это не в моих привычках. Я отшутилась, сказав Брагинскому, что обязательно познакомлю его с инкубом, если тот попытается меня соблазнить. Потом мы пошли танцевать.

– Ничего подозрительного ни в доме, ни вокруг него вы не заметили?

– Нет, – покачала головой Елена Семеновна. – Все выглядело очень мило.

– А собака?

– Ах, вы об Арнольде, – усмехнулась Завадская. – Он напугал Светлану, когда та приблизилась к изгороди. Но его хозяин сразу вмешался и прогнал пса. Потом он долго извинялся и перед Кобяковой, и перед Брагинским. Очень воспитанный человек.

– Значит, ссоры между ними не было?

– Нет. За это я могу поручиться.

– Брагинский ждал кого-то еще? Все-таки день рождения, да и дата почти круглая – пятьдесят пять лет.

– По-моему, нет, – не очень уверенно отозвалась Завадская. – Хотя был один телефонный звонок, немножко странный. Во всяком случае, Брагинский слегка взволновался и на вопрос, заданный, видимо, собеседником, ответил, что ждет щенка.

– Щенка?

– Я запомнила его слова из-за Светланы, которая тут же начала отговаривать Брагинского. Сказала, что от собак никакой пользы, а только одни сплошные гадости. Валентин Васильевич засмеялся и обещал подумать. По-моему, Кобякова просто боится собак. Она этого несчастного Арнольда напугала своим визгом до такой степени, что бедняга не знал, куда от нее бежать.

– Мастифф выглядел напуганным?

– Мне так показалось, – чуть повела плечом Завадская. – Хотя кто его знает, я плохо разбираюсь в собаках. А почему вы спрашиваете?

– Видите ли, Елена Семеновна, Брагинский погиб при странных обстоятельствах. Его нашли утром на заднем дворе с разодранным в клочья горлом.

– Какой ужас! – прошептала Завадская. – Но ведь это трагическая случайность?

– Возможно, – вздохнул Страхов. – Однако мы обязаны проверить все версии. Собаку ведь могли натравить на Валентина Васильевича. Кстати, Брагинский был верующим человеком?

– Понятия не имею. Мы, конечно, встречались и довольно часто, он ведь компаньон моего мужа, но о религии вопрос никогда не заходил. Он, правда, любил рассказывать разные истории о демонах, оборотнях, вампирах и прочей ерунде. Говорил, что вычитал их в старин-

ных книгах. На Светочку эти рассказы производили изрядное впечатление, но я уже не в том возрасте, чтобы верить в сказки.

Страхов допил кофе и вежливо распрощался с хозяйкой. Елена Семеновна любезно проводила его до крыльца. В какой-то миг Валерию Игоревичу послышался не то смех, не то крик-тение, доносящееся из подвала, но обернуться он не рискнул. Зато, выйдя на крыльцо, спросил у Завадской:

– Вы случайно бесхозных собак в поселке не встречали?

– У нас тут не только собаки, но и бродяги по переулкам шастают, – усмехнулась Елена Васильевна.

– Но ведь у вас есть охрана? – засомневался Страхов.

– А какое этим ребятам дело до собак? Бегают и пусть бегают. Хорошо хоть в наших краях тигры не водятся, иначе непременно бы наведались к нам.

Кобяков возвратился в город поздно вечером. Ночь уже вступила в свои права, но жизнь продолжала бить ключом и за окнами домов, и особенно на проезжей части. Почти у самого дома Эдуарда подрезал какой-то идиот на старенькой «Ладе». Хорошо еще, что Кобяков притормаживал, иначе столкновения не удалось бы избежать. Эдуард очень дорожил своей новенькой «Хондой», а потому пришел в ярость от поведения нарушителя дорожных правил, которому явно было наплевать и на свою прогнившую консервную банку, и на чужую, блистающую полированными боками, собственность. Кобяков обругал наглеца последними словами, но, к сожалению, впопыхах не успел зафиксировать номер его автомобиля. У заместителя начальника управления земельными ресурсами департамента имущественных отношений области хватило бы власти, чтобы привлечь к ответственности любого дорожного хулигана. Кобяков своей должностью гордился, хотя, конечно, понимал, кому он обязан столь успешной карьерой. Его тесть, Петр Петрович Мокшин, являлся далеко не последним в области деятелем – с большими связями и немалым влиянием на губернатора. Впрочем, Эдуард, с отличием окончивший экономический факультет местного университета, считался в чиновных кругах специалистом перспективным, но протекция никогда не бывает лишней для человека только начинающего свой жизненный путь.

Успокоился Кобяков только в подъезде своего дома, нажимая на кнопку вызова лифта. Свое раздраженное состояние он списал на усталость. Десять часов за рулем, это серьезное испытание даже для молодого полного сил организма.

Дверь квартиры Кобяков открывал осторожно, стараясь не разбудить спящую Светлану. Двигала им не столько забота о жене, сколько желание избежать пустых разговоров. Светлана любила поболтать перед сном о разных пустяках, и эта черта ее характера не на шутку раздражала Эдуарда. Жили они вместе вот уже два года, но этот срок, конечно, слишком мал, чтобы совершенно разные по уму и воспитанию люди успели притереться друг к другу. Кобяков считал жену глуповатой, похоже, его мнение разделяли преподаватели института, куда дочь ответственного чиновника поступила после школы. Проучившись три года, Светлана почувствовала непреодолимое отвращение к юриспруденции и решила отдохнуть от сессий и экзаменов, чрезвычайно обрадовав тем самым своих наставников. Вот уже больше года она бездельничала к великой досаде родителей, проводя по многу часов перед телевизором и компьютером, сплетничая со своими многочисленными подругами по телефону. Кобякова леньность супруги раздражала, но в целом семейная жизнь оказалась менее обременительной, чем думалось поначалу.

Эдуард проник в свою квартиру словно вор и, не включая свет в коридоре, на ощупь двинулся к кабинету. Дверь в спальню была приоткрыта, и оттуда доносились какие-то звуки, чрезвычайно огорчившие Кобякова. Светлана, похоже, забыла выключить телевизор, что, кстати говоря, с ней случалось довольно часто, и теперь спокойно посапывала в подушку под чужие нервные вскрики. Подобная рассеянность, распространявшаяся, к слову, и на электрическую

плиту, сулила в будущем большие неприятности, а потому Эдуард решил утром серьезно поговорить с женой. В конце концов, она не слепая и глухая старушка, которой можно многое простить по причине возраста и многочисленных болезней.

Кобяков хотел проскользнуть в семейную спальню тенью, но застыл на пороге столбом. Телевизор был выключен, равно как и компьютер, горел только ночник, в свете которого зрелище, открывшееся потрясенному Эдуарду, выглядело воистину сюрреалистическим. Звуки, столь удивившие Кобякова, издавала его обнаженная супруга, извивавшаяся в объятиях мужчины, буквально вдавившего распутницу в широкое ложе. О насилии не могло быть и речи. Мужчина явно чувствовал себя хозяином в чужой квартире и чужой постели, а Светочка с наслаждением признавала его власть, отдаваясь чужаку с таким пылом, которого Эдуард в ней даже не подозревал. Потрясение Кобякова оказалось столь велико, что он не нашел в себе сил даже для протестующего окрика, а только беззвучно шевелил губами и тупо смотрел, как трепещут в пароксизме страсти обнаженные блудодеи. Очнулся Эдуард в кабинете. Ярость тугой волной ударила ему в голову. Он сжал кулаки и готов был уже ринуться в спальню, чтобы обрушить гнев на обидчика, но вовремя остановился. Соперник мог оказаться сильнее Кобякова физически, и тогда оскорбленному мужу пришлось бы перенести еще одно унижение, совершенно невыносимое в создавшихся обстоятельствах. Мысль об охотничьем ружье, подаренном на свадьбу бизнесменом Брагинским, пришла в голову Эдуарда сама собой. Валентин Васильевич знал толк в оружии, а потому не приходилось сомневаться, что его презент не даст осечки даже в самой драматической ситуации. Кобяков решил убить обоих, и если бы ружье висело на стене в собранном виде, скорее всего участь Светланы и ее любовника была бы в эту ночь решена. Но пока Эдуард приводил в порядок оружие и искал патроны, к нему вернулось если не спокойствие, то, во всяком случае, способность рассуждать. Он вдруг ужаснулся собственному безумию. Разумеется, те двое заслуживали если не смерти, то серьезного наказания, но, увы, после их убийства главным виновником трагедии станет Кобяков. Молодой, подающий большие надежды чиновник сразу же словно бы по мановению волшебной палочки превратится в презираемого всеми уголовника. Тоже мне Отелло выискался! В наше бурное и склонное к греху время рога самое распространенное украшение мужчины. Эдуард и сам бы мог рассказать с десятков историй о похождениях жен своих друзей и коллег. Не говоря уже о грехах собственной молодости. Дабы избежать соблазна, Кобяков поспешно разобрал ружье и убрал его в шкаф. После чего достал из секретера припрятанную бутылку коньяка и в несколько глотков осушил ее едва ли не наполовину. Эдуарду сразу стало легче. Он опустился в кресло, чтобы обдумать ситуацию. Разрыв с женой именно сейчас, мог обернуться для него крахом карьеры. Мокшин при разводе встанет на сторону дочери, обвинив во всех смертных грехах непутевого зятя. Более того, зная характер Петра Петровича, можно нисколько не сомневаться, что он сделает все от него зависящее, дабы выжить Эдуарда не только из областной администрации, но и вообще из города. И тогда Кобякову придется вновь пробиваться наверх из толпы столь же честолюбивых и на многое способных молодых людей, не готовых уступать дорогу конкуренту. Пять лет неустанных трудов пойдут прахом, и Эдуарду ничего другого не останется, как пить горькую у разбитого корыта. Какое все-таки счастье, что он сумел совладать с первым порывом ревности и разгулом страстей, которых даже не предполагал обнаружить в самом себе. Кобяков всегда гордился собственной выдержкой и умением без срывов и истерик выходить из любой, даже самой сложной ситуации. Хотя Светка, конечно, тоже хороша. Ладно бы блудила где-то на стороне, так нет, ей вздумалось грешить на семейном ложе. Свою жену Эдуард не любил и никогда не питал на этот счет никаких иллюзий. В брак он вступал исключительно по расчету, надеясь найти опору не столько в жене, сколько в ее сановном папаше. Вице-губернатор области, шутка сказать, все чиновные карасы задыхались от испуга и почтения при виде хищной губернской акулы. Конечно, Петр Петрович рад был сбыть свое сокровище в надежные руки молодого серьезно относящегося к жизни человека.

Между прочим, это квартиру в сотню квадратных метров подарил молодым на свадьбу именно Мокшин. К немалому удивлению Эдуарда, Светлана оказалась девственницей. Такое целомудрие в наше распутное время могло означать либо физическое уродство, либо фригидность. Светочка хоть и не блистала красотой, но уродливой, конечно, не была. Более того, даже нравилась юным оболтусом раскованным поведением и мясистым задом. Что же касается секса, то особой активности в постели она не проявляла, целиком полагаясь на мужа. До недавних пор Эдуард полагал, что вполне удовлетворяет потребности жены, не отличавшиеся, к слову, особой изысканностью. Кобяков уже подумывал о том, чтобы найти на стороне более пылкую подругу, но пока не торопился с реализацией своих смутных и пока еще не оформившихся желаний. Главным сейчас в его жизни было место начальника управления, которого следовало добиться любыми, пусть и самыми постыдными способами.

Эдуард вышел из душного кабинета на лоджию и вдохнул полной грудью чистый воздух. Город притих в ожидании рассвета, хотя отдельные беспокойные граждане продолжали колесить на улицах и во дворах. Кучка пьяной молодежи, весело гогоча, прошествовала под окнами квартиры отдыхающего чиновника, и Кобяков с трудом удержался от того, чтобы не плюнуть им на головы сверху. Подобное мальчишество почти наверняка обернулось бы скандалом, а Эдуарду не хотелось привлекать к себе внимание окружающих. В спальне никак не хотели уюмониться. Расчет Кобякова на то, что хахаль, сделав свое дело, удалиться, к сожалению, не оправдался. Распутная дочь вице-губернатора продолжала грешить и мешала своим сопением спать другим. На лоджию выходили две двери, из кабинета Кобякова, и из семейной спальни, а потому Эдуард рисковал быть захваченным врасплох распутной парочкой, если бы тем вздумалось охладить свои распаренные блудом тела. Кобяков не удержался и, чуть сдвинувшись вправо, приткнулся к окну. Первой, что бросилось ему в глаза, оказалась белая толстая задница неверной супруги. Лицо ее любовника тонуло в полумраке. Чужак сидел на кровати, а его соучастница по греху проявляла странную активность. У нее тряслась от вожделения не только задница, но и голова, без устали тершаяся о живот партнера. Когда Эдуард, наконец, осознал, чем так увлечена его жена, то с трудом удержал приступ рвоты. Он отшатнулся от окна и метнулся в кабинет, ставший для него этой ночью спасительным убежищем от своих и чужих страстей. Лекарством от ярости, вновь охватившей Кобякова, стал все тот же коньяк, который он допил единым махом. Эдуард рухнул в кресло и впал в спасительное забытие.

Разбудила Эдуарда нежная мелодия, льющаяся из мобильного. Кобяков глянул на часы и ужаснулся, прошло уже время не только завтрака, но и обеда. Голос Завадского прямо-таки вибрировал от возмущения, и заспавшийся чиновник наконец-то сообразил, что звонит ему финансовый директор ЗАО «Осирис» далеко не в первый раз.

– Я приехал в город три часа назад, – попробовал оправдаться Кобяков. – Побойтесь Бога, Аркадий Савельевич.

– Брагинский убит! – ошорошил его жутковатым известием Завадский.

– Но как же так... – начал было Эдуард.

– Все подробности при встрече, – оборвал его собеседник. – Жду тебя дома через полтора часа.

– А почему не в офисе?

– Потому что сегодня суббота.

Мобильник умолк, а Кобяков еще долго сидел в неподвижности, стараясь переварить только что полученную информацию. Нельзя сказать, что Эдуард души не чаял в Валентине Васильевне или почитал его святым и непорочным. Грехов у Брагинского хватало, как, впрочем, и у каждого человека, занимающегося серьезным делом. И враги у него наверняка имелись. Но убивать почтенного бизнесмена вот так ни за что, ни про что, это же беспредел какой-то. Вроде бы и времена уже изменились, и деловые люди научились разрешать коммерческие споры в судах и прочих инстанциях, но от мести психопатов, выходит, никто не застрахо-

ван. Эдуард вдруг припомнил во всех подробностях минувшую ночь и поморщился. Впрочем, винить ему себя было не в чем, он проявил выдержку и только. А что касается Светланы и ее хахалы, то он еще найдет способ поквитаться с ними, не подвергая себя серьезному риску.

Светлана изобразила бурную радость при виде мужа. От поцелуя в губы Кобяков все-таки уклонился, но по щеке она его успела мазнуть. Стерва толстозадая! Дабы скрыть ярость, вновь прихлынувшую к сердцу, Эдуард отошел к окну. Светлана вернулась к плите, где шипело масло, предназначенное, видимо, для глазуньи. Готовить дочь почтенных родителей не умела, однако это был далеко не самый главный ее недостаток.

– Брагинский убит! – произнес Кобяков севшим от напряжения голосом.

– Его черный пес загрыз два дня назад, – подтвердила Светлана.

– Что?! – воскликнул потрясенный Эдуард.

– Мне Елена Семеновна звонила, – зачастила супруга уважаемого чиновника. – У нее был следователь, он-то и рассказал ей все в подробностях. Какой ужас! Мне этот Альберт сразу не понравился. Гавкает еще, гадина!

– Какой Альберт? – переспросил потрясенный Эдуард. – Ты это о ком?

– О собаке, – охотно отозвалась Светлана. – Я еще сказала тогда Валентину Васильевичу, ну зачем вам щенок на старости лет. Так на меня Завадская с Верещагиной зашикали. Мол, Брагинскому еще жить да жить. А он через пару часов умер. Вот ужас!

– Убийцу, выходит, нашли, – сделал вывод Кобяков.

– Нашли, но это оказалась не та собака. К тому же Альберт сдох. А ты когда приехал, Эдик?

– Утром, – нехотя отозвался Кобяков, отчаявшись получить хоть какую-то мало-мальски связную информацию из уст супруги. – А как вы оказались у Брагинского?

– Меня позвала Елена Семеновна. Сказала, что у Валентина Васильевича сегодня день рождения и его неловко оставлять одного. Все-таки он твой компаньон.

– Не мой, – поправил жену Эдуард. – Акции записаны на твое имя.

– Ты же сам этого захотел? – удивилась его тону Светлана.

Доля в ЗАО «Осирис» принадлежала поначалу Мокшину, точнее его жене, матери Светланы, но вице-губернатор подарил их дочери на свадьбу. Пакет был солидным и уж конечно Кобяков не мог оставить его без внимания, а потому принимал самое активное участие в делах фирмы Брагинского. Немудрено, что Аркадий Савельевич позвонил в первую очередь ему, смерть Валентина Васильевича касалась Эдуарда никак не меньше, чем самого Завадского.

– Я что-то неправильно сделала? – покосилась Светлана на расстроенного мужа. – Мне не следовало ехать к Брагинскому?

– Ты все сделала правильно, – поспешил успокоить жену Эдуард. – Просто меня огорчила нелепая смерть, Валентина Васильевича.

– Никогда не любила собак, – вздохнула Светлана. – Как чувствовала...

В доме Завадских Кобякова ждали. Хозяин встретил его на крыльце, пожал руку и лично проводил в гостиную. Елена Семеновна, которой Эдуард не преминул поцеловать ручку, любезно ему улыбнулась. Хозяйка суежилась в столовой, из чего гость сделал вывод, что Завадские еще кого-то ждут.

– А Верещагин в курсе? – спросил Эдуард у озабоченного Аркадия Савельевича.

– Я ему звонил. Он потрясен этим трагическим происшествием не меньше, чем мы с тобой.

Завадский был рослым, под метр восемьдесят, холеным, полноватым мужчиной пятидесяти лет, с красивым, чуть тяжеловатым лицом и небольшими заплывшими жирком глазами. Обычно Аркадий Савельевич держался солидно, двигался медленно и плавно, словно боялся нечаянно расплескать переполнявшие его по самую лысую макушку достоинства, но сегодня

он явно нервничал, суеился и вообще производил впечатление взвинченного и даже чем-то напуганного человека. Возможно, на него так подействовала жутковатая смерть компаньона, но, не исключено, что ему открылись какие-то новые неприятные обстоятельства.

– Вы ждете гостей? – спросил Кобяков, поудобнее устраиваясь в предложенном хозяином кресле. С этого места он мог наблюдать не только за Аркадием Савельевичем, не отходившим от окна, но и за его супругой, кружившей у стола. Благо широкий проем, соединявший гостиную и столовую, позволял это сделать. Эдуард, проделавший вчера немалый путь, сильно проголодался, и уж конечно глазунья, приготовленная супругой, не смогла утолить его аппетита. А Елена Семеновна, кроме всего прочего, славилась своим умением готовить.

– Я жду Попеляева, – вздохнул Завадский.

– А психиатр здесь при чем? – удивился Эдуард, кося взглядом на хозяйку. Елена Семеновна, несмотря на возраст, любила носить короткие платья, благо было что показать миру. Но сегодня, по мнению склонного к консерватизму Кобякова, она явно перестаралась. Светлое легкое платье слишком вызывающе обтягивало ее пышные формы, особенно когда она склонялась над столом.

– Брагинский прислал мне видеопослание, – сухо отозвался Аркадий Савельевич, – и я хочу знать, что оно означает.

– Но ведь он умер! – почти вскрикнул Кобяков.

– Ты сегодня плохо соображаешь, Эдик, – покачал головой Завадский. – Он записал его заранее, на случай своей смерти, а вчера Мария Дробышева, выполняя волю покойного, принесла диск мне.

– Выходит, Брагинский предчувствовал свою смерть? – спросил потрясенный Кобяков.

– Он ее ждал, Эдуард!

– Но это невозможно, – запротестовал гость. – Я еще понимаю, если бы его пристрелил снайпер, но при чем здесь бродячий пес?

– Пса, между прочим, можно натренировать, – усмехнулся Завадский. – Очень эффективное орудие убийства. Пойди потом докажи, что это не трагическая случайность.

Мелодия, неожиданно зазвучавшая в комнате, заставила вздрогнуть и хозяина, и гостя. Завадский, впрочем, мгновенно опомнился и бросился в холл. Судя по всему, Аркадий Савельевич намеревался лично встретить Семена Александровича Попеляева, стоящего сейчас у ворот усадьбы. Елена Семеновна уронила вилку под стол, тем самым подтвердив народную примету. Кобяков с интересом наблюдал за женщиной, склонившейся в неожиданном поклоне. Точнее, за ее задом и ногами, как раз в это мгновение попавшие в поле его зрения. Тыл у Елены Семеновны оказался еще более вызывающим, чем у Светки, хотя обстоятельства, заставившие ее принять столь откровенную позу, были куда менее скандальными. Неудобная поза привела к беспорядку в одежде, платье задралось столь высоко, что Кобяков невольно смутился. И даже покраснел, когда вдруг перехватил взгляд выпрямляющейся Елены Семеновны. Завадская поправила платье и вновь вернулась к прерванному занятию, оставив Эдика наедине с собственными мыслями по поводу возникшей неловкой ситуации.

Попеляев с Завадским очень вовремя появились в гостиной и своим появлением отвлекли Кобякова от невеселых воспоминаний о событиях минувшей ночи.

– Конечно, он был не совсем здоров, – грустно сказал Попеляев, видимо продолжая начатый еще на крыльце разговор.

– Неужели на него так подействовало то происшествие на охоте? Ведь это была трагическая случайность. Нелепое стечение обстоятельств.

– Но, согласитесь, Аркадий Савельевич, потрясение получилось нешуточным. Стрелять в волчицу, чтобы потом увидеть мертвой бывшую жену.

– Честно говоря, я понятия не имел, что Брагинский знаком с убитой женщиной, – растерянно произнес хозяин. – Валентин Васильевич вел тогда себя очень достойно. Взял всю вину

на себя. Хотя его вины, как и нашей, впрочем, не было никакой. Убийцу ведь потом нашли и даже осудили.

– Томилин признал свою вину, – кивнул Попеляев. – Человеческая психика – очень тонкая штука. Образ несчастной женщины буквально преследовал, Валентина Васильевича все последующие месяцы. Я, разумеется, помогал ему, чем мог. Но его душевная рана оказалась слишком глубока. К тому же я многого не знал тогда, и подробности этого несчастного брака открылись мне только вчера.

– Давайте прослушаем его послание, – предложил Завадский. – Думаю, не только нам, но и Эдуарду будет полезно узнать все из первых уст.

Дружеский ужин, похоже, откладывался на неопределенное время, и проголодавшийся Кобяков невольно подсаживал на хозяев. Хотя отчасти он был согласен с Аркадием Савельевичем, лучше самому услышать предсмертную исповедь Валентина Васильевича, чем полагаться на чужой пересказ. Завадский вставил диск в видеомагнитофон и присел на диван рядом с Попеляевым. Через мгновение на экране появилось озабоченное лицо Брагинского, настроенного, судя по всему, на предельную откровенность. Предсмертное послание это вам не шутки. Кобяков почувствовал легкое волнение и весь обратился в слух.

– Сказать, что я женился по любви, значит сильно погрешить против истины, – начал свой монолог Брагинский чуть хрипловатым, видимо от волнения, голосом. – Мне нужны были деньги. Срочно. Речь шла об очень большой сумме. Промедление с возвратом долга грозило мне смертью. В то смутное для России время убийство человека казалось многим делом обыденным. Впрочем, кому я все это объясняю. Ты, Аркадий, все знаешь не хуже меня. Я согласен был на любые условия. И брак с красивой женщиной не казался мне обременительным. Маргарита Мартынова называла себя ведуньей, что само по себе ни о чем не говорило. Многие тогда зарабатывали деньги на людской глупости и легковерии. Экстрасенсы были в моде, их показывали по телевидению, о них писали газеты. Мне, правда, говорили сведущие люди, что у Мартыновой дурная репутация даже среди колдунов и ворожей. Что она увлекается черной магией и вроде бы даже находится в связи с дьяволом. Сам я тогда являлся законченным советским атеистом, все эти шаманские обряды считал глупостью, а потому легко согласился пройти церемонию бракосочетания, предложенную привередливой невестой. Описывать ее я не буду, во-первых, неловко, а во-вторых, не хочу вводить тебя, Аркадий, в искушение.

При этих словах Брагинского, Эдуард невольно скосил глаза на хозяина дома, но Аркадий Савельевич даже бровью не повел в ответ на шутливый выпад старого знакомого и компаньона.

– Скажу только, что первое беспокойство я испытал уже тогда, но у меня не хватило духу, чтобы признать свою ошибку и бежать от этой женщины как можно дальше. Маргарита настояла, чтобы зачатие нашего ребенка тоже происходило в рамках определенного обряда. Вот тут бы мне возмутиться, трахнуть кулаком по столу и отказаться наотрез. Увы, я проявил преступную слабость. Можешь смеяться, Аркадий, или ужасаться, но я заключил сделку с дьяволом при помощи его подручной ведьмы Маргариты. Все было оформлено по высшему разряду, с каплями крови, моей подписью и сатанинскими печатями. А потом мы вдвоем зачали ребенка. Именно вдвоем, Завадский, я не оговорился. Этот третий присутствовал на нашем брачном ложе, а мне не хватило ни сил, ни мужества, чтобы его прогнать. Я был потрясен, испуган, сбит с толку, словом раздавлен произошедшим, а потому постарался убедить себя, что все случившееся со мной в ту роковую ночь, это всего лишь игра воображения. Маргарита настояла на регистрации в загсе. Что окончательно вывело меня из транса. Я вновь возвращался в привычный мир из тех жутковатых закоулков, куда затащила меня даровитая особа. Я расплатился с долгами и преуспел в бизнесе. Последнее могло бы меня насторожить, но тогда это было в порядке вещей. Олигархи росли как грибы после дождя. Создавались гигантские состояния, о которых на Западе могли только мечтать. А я стоял в этом ряду преуспевающих людей далеко не первым. Своего сына я не любил. Тогда мне это казалось неловким, неправильным,

и я тщательно скрывал свои чувства. Когда я брал его на руки, а такое случалось нечасто, у меня появлялось желание... Впрочем, не буду об этом – слишком тяжело. Тайну Маргариты я открыл случайно. Мы очень любили бывать на природе, и она, и я. Через четыре года нашей совместной жизни я впервые узнал, что моя жена оборотень. Ошибки быть не могло, я собственными глазами видел превращение. Я видел, как Маргарита и маленький Кирилл обрывают шерстью в полнолуние. А потом рыщут по лесу. Меня они не заметили, а может быть просто пренебрегли перепуганным маленьким человечком, тупо сидящим на земле и с ужасом глядящим на облитую лунным светом вершину холма, где резвились волчица и ее щенок. Уже тогда у меня появилось горячее желание их убить. Но я еще два года жил с Маргаритой, боясь мести за несуществующую вину. Расстались мы по обоюдному согласию, к моему громадному облегчению. Я постарался забыть эту историю. Десять лет я был почти счастлив, пока не увидел Маргариту в одном из городских ресторанов. Она практически не изменилась внешне, зато ее душа стала еще чернее. Я пришел в отчаяние, я готовился бежать, куда угодно, хоть на край свет. Именно в эту едва ли не самую трагическую минуту моей жизни ко мне на помощь пришел человек, назвавший себя Инквизитором. После разговора с ним я понял, что убежать мне не удастся, что я должен бороться, не столько даже за свою жизнь, сколько за свою душу. Извини, Аркадий, что я втянул тебя в жуткое дело. Мне не следовало брать вас на охоту. Но я боялся, слышишь, Завадский, я изнывал от ужаса, догадываясь, что мне предстоит пережить. Не знаю, кто похоронен в том древнем кургане, возможно шаман, возможно скифский вождь, но у меня имелись точные сведения, что в полнолуние она поднимется на вершину вместе со своим щенком, дабы в который уже раз свершить сатанинский обряд и поработить новые неокрепшие души. Я отнюдь не был ее единственной жертвой, Аркадий, эта ведьма, эта волчица жаждала овладеть нашим городом, если не всем миром. А самым страшным ее орудием являлся он – щенок, инкуб, созданный не без моего участия. Я должен был, я хотел убить их обоих. Результат тебе известен, дорогой друг. Маргарита мертва, но инкуб жив. Пока он юн и почти безвреден, но с каждым часом, с каждым днем, с каждой поработанной душой он будет становиться все сильнее и сильнее. Я устал бороться, Аркадий, извини. Хочу только предостеречь тебя. Инкуб не оставит в покое ни вас, участников охоты, ни ваших близких. Конечно, ты мог бы обратиться в милицию, но наверняка не сделаешь этого. По одной причине – ты не поверишь мне, Завадский. Ты посчитаешь меня сумасшедшим. Не знаю, какой будет моя смерть, но, возможно, она заставит тебя призадуматься и принять меры для собственного спасения. Прощай, Аркадий. Даю тебе последний, предсмертный совет – позаботься о своей душе. Все в этом мире преходяще, и только душа вечна.

Кобяков был ошарашен откровениями покойного бизнесмена до такой степени, что в первую минуту не мог произнести ни единого слова, а только растерянно смотрел на Елену Семеновну, стоящую в проеме между кухней и гостиной. В конце концов, Завадская лет десять проработала врачом-невропатологом, ей, как говорится, и карты в руки. Медицинские, разумеется. Однако хозяйка не спешила высказывать свое мнение и с интересом посматривала то на мужа, то на Попеляева.

– Валентин Васильевич действительно страдал психическим расстройством, – вздохнул профессор, поправляя очки.

– А почему вы не отправили его в клинику? – возмутился Кобяков. – Он мог нас всех перестрелять, приняв за диких животных.

– Не утрируй, Эдуард, – поморщился Завадский. – И там, на охоте, и здесь, в обычной жизни Валентин Васильевич вел себя вполне адекватно. Мне и в голову не приходило, что у него могут быть какие-то проблемы. Все решения, принимаемые им в сфере бизнеса, казались на редкость разумными. В последние два года мы расширили сеть продуктовых магазинов в полтора раза. Прибыль росла как на дрожжах. Если бы все наши управленцы были столь же

безумны, Россия давно бы вышла на первое место в сфере экономики. Причем это не шутка, Эдуард, это факт!

– Расстройство Валентина Васильевича касалось интимной сферы, – пояснил профессор. – Причем он и здесь контролировал себя. Во всяком случае, мне так казалось. Он сознавал, что его подозрения по адресу бывшей жены и сына могут оказаться болезненным наваждением. Именно поэтому он пригласил на охоту меня. Я должен был либо подтвердить, либо опровергнуть его сомнения на их счет. К сожалению, стрельба началась раньше, чем я достиг холма.

– Я стрелял, – признался Кобяков, – но не в женщину, а в волчицу. Клянусь!

Собственно, стрелял Эдуард на шорох, как и все прочие непутевые охотники. Однако Кобяков был абсолютно уверен, что его компаньоны по жестокой забаве преследуют именно хищников. Обнаруженная на холме мертвая женщина стала для него лично неприятным сюрпризом, и это еще мягко сказано. Он буквально ошалел тогда от ужаса и от ощущения неправимой беды. Даже несчастный случай на охоте мог погубить его карьеру, не говоря уже о предумышленном убийстве. Допустим, повел он тогда себя не слишком достойно, но ведь и другие в ту страшную ночь смотрелись ничуть не лучше.

– Надеюсь, вы не собираетесь передавать диск правоохранительным органам, Аркадий Савельевич? – на всякий случай полюбопытствовал Кобяков.

– Я пока еще в здравом уме, Эдик, – поморщился Завадский. – Человек явно не в себе и его откровения только запутают следствие. Как вы думаете, профессор?

– Абсолютно с вами согласен, – тряхнул Попеляев благородной сединой. – Что касается меня, то я врач и просто обязан блюсти профессиональную тайну. Тем более, что истинный убийца Маргариты Мартыновой уже изобличен, более того признал свою вину и чистосердечно раскаялся в содеянном. Я присутствовал на процессе.

– Тимонин действительно был сатанистом? – спросил заинтересованный Завадский и тут же, спохватившись, добавил: – Прощу к столу, господа.

Кобяков столь стремительно ринулся к пище телесной, что вызвал улыбку на чуть подкрашенных губах хозяйки. Впрочем, волчий аппетит Эдуарда скорее порадовал Елену Семеновну, чем огорчил, тем более что Завадский с Попеляевым, увлеченные разговором, большого интереса к еде не выказали. Профессор рассказывал о процессе над сектантами. Однако, по его словам, Тимонин казался скорее романтиком и археологом – любителем, чем глубоко верующим человеком.

– Но ведь говорили о жертвоприношении? – припомнил события двухлетней давности Кобяков.

– Досужие сплетни, – пожал плечами Попеляев.

– А как же серебряная пуля?

– Скорее всего, это тоже выдумка, во всяком случае, на суде о ней даже не упоминали. Тимонину вменили в вину неосторожное обращение с оружием, повлекшее смерть человека.

– А карабин, из которого убили несчастную, действительно принадлежал ему? – спросила Елена Семеновна.

– У суда на этот счет не возникло ни малейших сомнений, – ответил Попеляев. – У меня, признаться, тоже.

Зато у Кобякова сомнения возникли. Что и неудивительно после сегодняшних откровений Валентина Васильевича. Брагинский вполне мог подбросить свой карабин простодушному юноше, а то и просто заплатить ему за нужные признания в суде. В любом случае, Брагинский поступил мудро, что говорило скорее в пользу его здравомыслия, чем психического расстройства. Бизнесмен действовал в критической ситуации на редкость хладнокровно и расчетливо в отличие от своих партнеров, впавших тогда в панику, граничащую с истерикой. Ну и кто после этого псих?

– У Брагинского больше не было детей? – спросил Завадский у Попеляева.

– Насколько я знаю, Кирилл его единственный ребенок. Юноше сейчас лет семнадцать, по-моему.

– Вы его видели?

– К сожалению, нет, – развел руками профессор. – Я даже не знаю, был ли он в ту роковую ночь на холме.

– А если был, то вполне мог заподозрить своего отца в предумышленном убийстве? – жестко спросил Завадский.

– Мог, – не стал спорить профессор, поднимаясь из-за стола. – Прошу прощения, господа, но я вынужден вас покинуть.

– Я вас провожу, Семен Александрович.

Пока хозяйка и гость расшаркивались у порога, Кобяков доел третью котлету и сейчас мучительно размышлял, удобно ли брать четвертую, и не сочтут ли Завадские его по этому случаю обжорой и невежей, не умеющим вести себя в чужом доме. Жадность, однако, пересилила осторожность, и Эдуард не только успел съесть четвертую котлету, но и положить себе в тарелку пятую, что было уже, конечно, откровенным свинством. Впрочем, Завадский бесчинства Эдуарда не заметил, занятый, видимо, размышлениями глобального порядка.

– Повезло вам с женою, Аркадий Савельевич, – сказал Кобяков, отдуваясь. – Чтобы так готовить, нужен незаурядный талант.

– Наверное, – машинально отозвался хозяин. – Что ты обо всем этом думаешь, Эдуард?

– Конечно, Валентин Васильевич мог тронуться умом самостоятельно, но мне почему-то кажется, что ему в этом усиленно помогали. Возможно, Попеляев в этом деле не без греха.

– Соображаешь, – с уважением посмотрел на молодого чиновника Завадский.

– Не исключаю так же, что этот мальчик, Кирилл кажется, тоже умом скорбен, – продолжал польщенный Кобяков. – При таких-то родителях. А деньги он наследует немалые. Почему бы хитроумным людям не завлечь мальчонку в свои сети, запудрив ему мозги всякими дурацкими баснями. Сдается мне, осужденный Тимонин рассказал на суде далеко не все, что знал.

– Хочешь сказать, что он с самого начала был в курсе грядущих событий? – нахмурился Завадский.

– А почему же нет, Аркадий Савельевич? – хмыкнул Кобяков. – В планы заговорщиков явно не входило осуждение Брагинского за убийство. Его просто замарали в крови, чтобы потом натравить на него мальчишку. Я не знаю, кто выдрессировал пса, но вы сами сказали, что сделать это не так уж сложно. Зато по поводу необычного убийства можно нагнать столько мистического тумана, что он укроет собой вполне реальных персонажей, скрывающихся за страшным преступлением.

– Пожалуй, ты прав, Эдуард, – кивнул Завадский. – К Попеляеву следует присмотреться по пристальной. Время у нас есть. Сын Брагинского если и вступит в права наследства, то не ранее чем через полгода.

– Я тоже думаю, что нам не следует суетиться, Аркадий Савельевич, – согласился с хозяином гость. – Но я бы на всякий случай выяснил, что за люди собрались в тот день в поселке Дубосеково, какие цели преследовали, и почему Маргарита Мартынова поднялась на этот дурацкий курган да еще и обнаженной. И еще одно обстоятельство – она была одна или с сыном? И куда после ее смерти исчез мальчишка – кто проявил заинтересованность в его судьбе?

– Вот ты, Эдуард, этим и займешься, – предложил Завадский.

– Но у меня же работа...

– А я, по-твоему, баклуши бью, – рассердился Аркадий Савельевич. – Сегодня у нас суббота, если выедешь вечером, то к понедельнику в любом случае обернешься. Поговори с поселковыми начальниками, ты для них все-таки власть, выясни подробности происшествия, пообщайся со старушками. Словом, ни мне тебя учить, Эдуард.

Будь Кобяков почтенным мужем лет пятидесяти, вроде Завадского, он бы конечно отказался от поездки, сославшись на прошлую бессонную ночь, но в его годы подобные отговорки звучали глупо. К тому же никакой усталости Эдуард не чувствовал. После сытного ужина его потянуло на великие свершения. А бокал выпитого вина, конечно же, не мог послужить препятствием к выполнению ответственного задания. Волка, как известно, ноги кормят. Наезд на ЗАО «Осирис» казался настолько очевиден, что сидеть в данной ситуации сложа руки было бы смерти подобно.

– Хорошо, – сказал Кобяков, поднимаясь на ноги. – Сделаю все, что смогу. А где Елена Семеновна? Неловко покидать дом, не сказав спасибо хозяйке за прекрасный ужин.

– Она на террасе, – усмехнулся Аркадий Савельевич. – Счастливого пути, Эдуард.

В доме Завадских было два выхода – один через парадное крыльцо, другой через гостиную и примыкающую к ней террасу. Кобяков решил воспользоваться последним, дабы не утруждать ни себя, ни хозяев. Елена Семеновна пребывала в уже ставшей привычной для себя позе, низко склонившись над цветком. Возможно, в любой другой день Эдуард счел бы ситуацию забавной. Но сейчас он просто застыл на месте, буквально ошарашенный неприличным зрелищем. Хозяйка не могла не слышать шаги гостя, она обязана была обернуться на его осторожное покашливание, но Елена Семеновна не изменила позы и даже не потрудилась одернуть платье. Зато позволила Эдуарду довольно долго любоваться своим практически голым задом. Более того, она призывно водила им из стороны в сторону, словно собиралась соблазнить подвернувшегося молодца. Кобяков выскочил с террасы, словно ошпаренный, и бросился к воротам. Но бежал он все-таки не столь быстро, чтобы его не смог догнать презрительный смех Завадской. И тут Эдуарда осенило – Светка! Это она позвонила Елене и поделилась с ней впечатлениями о вчерашнем ночном приключении. Выходит, она видела мужа, топтавшегося на пороге спальни. Видела, как он заглядывал в окно! И продолжала творить срамные дела, веря в свою полную безнаказанность. Кобякова затрясло от бешенства. Он сам не помнил, как выскочил из усадьбы Завадских и сел за руль своей «Хонды». Опомнился он уже на трассе, когда с огромным трудом увернулся от встречного КАМАЗа, норотившего поцеловать в лоб его вишневую красавицу. Собственно, у Эдуарда был сегодня очень хороший шанс повторить судьбу бизнесмена Брагинского, потерявшего в результате женского коварства сначала разум, а потом жизнь. К счастью, Кобяков пока остался цел, зато в эту минуту он очень хорошо понимал покойного Валентина Васильевича, желавшего расплатиться с женщиной, поработившей его душу и наверняка посмеявшейся над ним. Убивать Светку, Эдуард не собирался – много чести. Но отомстить ей он был просто обязан. Одно дело, изменить мужу, когда тот находится в командировке, и совсем другое, сознательно опозорить его перед знакомыми. Но Елена Семеновна какова! Вот ведь стерва. А ведь Кобяков считал ее до сих пор если не святой, то, во всяком случае, почтенной дамой. Все-таки супруга солидного человека, мать взрослой дочери, ныне обучающейся в Лондоне. И вдруг такой фортель. С ума они, что ли, все посходили!

В квартиру Кобяков влетел в расстроенных чувствах, а к спальне жены приближался охваченный яростью. Он почти пожалел о том, что жена спит одна. Сегодня у него хватило бы духу убить не только его, но и ее. Светлана по случаю жары спала обнаженной, но шум, произведенный Кобяковым, ее, видимо, разбудил, она потянулась всем телом и произнесла захлебывающимся от нежности и вожделения голосом:

– Это ты, Кирилл?

Кобякова от рождения звали Эдуардом, однако он откликнулся на призыв жены. Насиловал он Светлану с таким остервенением, что его не смогли остановить ни вопли перепуганной жертвы, ни ее мольбы. Сцена получилась безобразной, но Эдуард не собирался предаваться по этому поводу грусти, а уж тем более мучиться угрызениями совести. Он имел право на месть, и он своим правом воспользовался. А для Светки сегодняшняя взбучка станет хорошим уроком. Надо полагать, она уже успела усвоить, как опасно доводить до белого каленья мужчину, не

склонного к всепрощению. Жаловаться отцу она не будет, на развод не подаст, а просто молча проглотит обиду. Скажите пожалуйста, Кирилла ей захотелось. Вот сука!

Кобяков так резко ударил по тормозам, что несчастная «Хонда» юлой закрутилась по трассе. Он вдруг вспомнил о подарке, предназначенном для покойного Валентина Васильевича. Карабин «Дакота», купленный за большие деньги, где-то за пределами нашего Отечества, лежал в багажнике его автомобиля и ждал своего часа. Похоже, час пробил именно в эту ночь. У Кобякова хватило времени и терпения, чтобы обдумать свои будущие действия. Алиби он себе обеспечил. Завадский подтвердит, что направил своего хорошего знакомого по делам в Дубосеково. Светка, какой бы стервой она не была, тоже не станет отрицать, что муж покинул ее еще далеко до полуночи. Словом, шанс выскочить сухим из воды у Эдуарда есть. Главное сейчас взять себя в руки и настроиться на самый, быть может, важный в своей жизни поступок. Эдуард позвонил Светлане и предупредил ее, что вернется домой в лучшем случае завтра к вечеру. Говорил он нарочито ровным голосом, с беспокойством ожидая взрыва страстей со стороны оскорбленной супруги. Но Светлана совершенно спокойно отнеслась к звонку мужа. Упреков с ее стороны по адресу Эдуарда не последовало. Кобякову пришло в голову, что Светка не только не оскорблена его хамскими действиями, но даже, кажется, гордится тем, что разбудила зверя в душе приличного и сдержанного в проявлениях чувств человека. Она оказалась даже большей стервой, чем Эдуард до сих пор полагал.

На возвращение в город у Кобякова ушло больше часа. Еще столько же он тупо ждал, сидя в машине под аркой, которую никак не мог миновать человек, оскорбивший его честь. Правда, таинственный Кирилл мог проскользнуть в чужой дом раньше, чем Эдуард успел занять место в засаде. В этом случае, все усилия ревнивого чиновника устранить соперника, пошли бы прахом. Где-то в глубине души Кобяков на это надеялся. Все-таки охота на человека еще не стала для него привычным занятием. Эдуарда сначала потряхивало от возбуждения, а потом он впал в апатию, которая вполне могла закончиться сном. Кобяков взглянул на часы – два часа ночи не самое лучшее время для прогулок. В такую пору только крайняя нужда может заставить мужчину отправиться на свидание, пусть даже любовное. Но, похоже, Кирилл принадлежал именно к тем счастливицам, которые часов не наблюдают. Кобяков сначала услышал шаги, гулко звучащие в ночной тишине, а уж потом увидел фигуру человека, ступившего с тротуара в темный проем. Эдуард включил фары, заставив незнакомца прикрыть лицо рукой.

– Извините, молодой человек, – у вас прикурить не найдется? – спросил Кобяков, высываясь из окна автомобиля.

– Найдется, – спокойно отозвался незнакомец, щелкая зажигалкой.

– Вас ведь Кириллом зовут? – на всякий случай спросил Эдуард, нащупывая спусковой крючок карабина, лежащего на коленях и прикрытого от чужих глаз плащом.

– Да, – подтвердил молодой человек и сразу же вслед за его ответом прозвучал выстрел. На какой-то миг Кобякову даже показалось, что стрелял кто-то другой. Кирилл странно дернулся, схватился рукой за грудь, прикрытую только рубашкой, и стал медленно заваливаться на бок.

«Хонда» завелась мгновенно. Шустрый забугорный автомобиль выскочил на проезжую часть едва ли не раньше, чем тело убитого соприкоснулось с землей. Гаишников Эдуард не боялся, точнее он просто забыл о людях, которым ночью и днем положено блюсти законы дорожной нравственности. К счастью для киллера-любителя, люди в погонах не проявили особой активности, и «Хонда» птицей вылетела на загородную трассу, никем не потревоженная, за исключением разве что немногочисленных в ночную пору собратьев, обиженно гудевших ей вслед. Кобяков осознал, что убил человека где-то на пятидесятом километре. А вместе с осознанием пришел и страх. Эдуарду вдруг показалось, что его преследуют, и он то и дело оборачивался назад, не снимая ноги с педали газа. Он мог дважды вылететь с трассы и трижды столкнуться с встречными автомобилями, но судьба хранила Кобякова, возможно для

новых гибельных дел. Самое поразительное, что Эдуард не чувствовал раскаяния. Более того, с каждым километром в нем крепло убеждение, что поступил он совершенно правильно, как и надлежит поступать сильным и уверенным в себе людям. В конце концов, кто он такой этот Кирилл, чтобы лапать руками чужую собственность. Мог бы и сообразить, что дело ему придется иметь не с рохлей, привычно глотающим обиды, а с мужчиной всегда готовым отстаивать свои права, в том числе и с оружием в руках. Кобяков почувствовал нечто похожее на прилив гордости. Честно говоря, он до последнего не верил, что сумеет достойно выйти из сложной и оскорбительной для его самолюбия ситуации. Но ведь вышел, наказав как неверную жену, так и ее наглого любовника. Теперь следует не торопясь осмотреть машину и избавиться от орудия преступления. Точнее, от орудия праведной мести.

Эдуард свернул с трассы на проселочную дорогу, ведущую к Дубосеково, некогда густонаселенному процветающему поселку, ныне превратившемуся в головную боль областных властей. Леспромхоз, дававший работу обитателям поселка, развалился уже более десяти лет назад, что поставило людей на грань выживания. В областной администрации не раз звучали голоса, что жителей Дубосеково следует переселить, а сам поселок сравнять с землей. Впрочем, никаких кардинальных решений по этому наболевшему вопросу так и не было принято. А обреченный на заклятие поселок выжил, вопреки всем мрачным пророчествам. Хотя Кобяков имел очень смутное представление, чем же, собственно, занимаются его жители. Наверное, охотой.

– Да какая у нас теперь охота, – махнул рукой глава поселковой администрации, к дому которого Эдуард подрулил к полудню. – Леса-то вокруг за полвека свели подчистую.

– А волки? – напомнил Кобяков, присаживаясь к столу, накрытому расторопной супругой администратора.

Хозяин, Васенин Степан Петрович, хитроватый мужичок небольшого роста, умел угождать как начальникам, так и односельчанам. Умирающим поселком он управлял уже без малого пятнадцать лет и, хотя каменных палат не нажил, но дом поставил справный, из толстенных свежеструганных бревен. Осмотрев новые хоромы, Кобяков заключил, что Степан Петрович никуда из поселка уезжать не собирается, а, следовательно, все его охи и ахи по поводу гибнущей малой родины не более чем лапша на уши областному чиновнику.

– Волки есть, – не стал спорить с гостем хозяин. – И живность кое-какая в округе водится. Опять же озеро под боком.

В этом озере Кобяков утопил карабин, так и не обретший своего хозяина. Тяжелая железка навечно ушла под воду, унося с собой все подозрения, которые могли бы возникнуть у дошлых следователей по поводу ревнивого мужа распутной жены. Эдуард на всякий случай помыл машину, хотя никаких следов крови или отпечатков чужих пальцев на ее полированных боках не обнаружил.

– А егерь Михеев здоровствует? – спросил словно бы между прочим Кобяков. – Года два назад мы у него останавливались.

– Помер Михеич, – крякнул расстроенно Васенин. – Царство ему небесное. Смирный был человек, мухи за свою жизнь не обидел. А вот поднялась же у кого-то рука на старого человека.

– Его что, убили? – удивился Кобяков.

– Ножом в сердце, – кивнул хозяин. – Кому он мог помешать, ума не приложу.

– Может, браконьеры?

– Какие у нас браконьеры, Эдуард Константинович, – горько усмехнулся Васенин. – Михеича здесь держали просто для порядка. Ну не гнать же старого человека с насиженного места. Тем более, штатная единица есть. Опять же уважаемые люди к нему из города заглядывали, воздухом нашим подышать.

– Давно его убили? – нахмурился Кобяков.

– Пять дней назад. Позавчера схоронили.

– Странно, – задумчиво проговорил Эдуард. – А следователи были?

– Были, – пожал плечами Васенин. – Из районного центра. Походили, повздыхали, погрозили мне пальцем и уехали.

– А вы здесь при чем, Степан Петрович?

– Так ведь я за все в ответе, – развел руками хозяин. – Должность такая. А тут еще наши умельцы наловчились ножи делать с причудливыми рукоятками и сбывать их приезжим. Вот таким ножом, который у нас называют скифским, и был убит егерь Михеич.

– Но ведь это след?

– Такие ножи у нас в каждом доме есть, – усмехнулся в седеющие усы поселковый голова. – Вот взгляните, Эдуард Константинович.

Нож показался Кобякову примечательным, прежде всего своей бронзовой рукоятью, в виде волка, изготовившегося к прыжку. Причем рукоять отлили с таким искусством, что на ней почти не видно было следов обработки. Стальное лезвие хорошего закала соединялось с основой без заклепок. Казалось, что бронзовый волк просто заглотил железный штырь, ставшим его единственным, но очень опасным клыком.

– Хорошая работа, – одобрил поселковых умельцев Кобяков.

– Берите на память, Эдуард Игоревич, – махнул рукой Васенин.

– А почему его называют скифским?

– Говорят, звериный стиль, – вздохнул хозяин. – Я в этих вещах не разбираюсь, но знающие люди нашли сходство. У нас ведь в поселке бывшие эки в основном оседали, а среди них немало было мастеров. И образованные люди попадались. Так и пошло. Из-за кургана, наверное. Его еще с незапамятных времен называли скифским. А тут приехал лет пять назад ко мне племянник из города. В ту пору милый наивный мальчик, только поступивший в университет. Наши-то рады стараться, такой лапши ему на уши навешали, что мама не горюй. А он по наивности собрал местные байки и разместил их... Как это у вас молодых называется?

– В Интернете, – подсказал Кобяков.

– Я было в панику ударился, – понизил голос почти до шепота Васенин. – Думал, понаедут начальники и начнут меня трясти насчет вождей и колдунов. А где я им возьму этих скифов? У нас кругом сплошные русаки. Хотел я опровержение дать, так меня племяш высмеял. Не берут в тот Интернет опровержений. Интерфейс не позволяет.

Эдуард от души повеселился, слушая поселкового главу, но в его простодушие не поверил. Васенин мужик хваткий, а потому очень быстро сообразил, какую выгоду можно извлечь из пустых вроде бы баек. Заинтересованные горожане густо повалили в «заповедные» места, благо от железнодорожной станции до поселка было километров десять-пятнадцать. На постой они останавливались у местных жителей. За деревенские продукты платили щедро. Опять же скифские ножи и прочие подобного же рода сувениры, сработанные в зверином стиле, наверняка пользовались большим спросом у прыщавых юнцов и романтически настроенных девиц.

– А почему именно к вашему кургану такой интерес? – спросил Кобяков.

– Так ведь он светится в полнолуние и вроде как скифский вождь из могилы встает.

– Фантазия у вашего племянника, Степан Петрович, прямо-таки безудержная, – засмеялся Эдуард.

– Про вождя не скажу, а свет на вершине кургана я собственными глазами видел и не один раз. Многие его видели – и наши, и приезжие. Спрашивал я у людей ученых, но правды так и не добился. Говорят – феномен. Необъяснимо, то есть.

– Я слышал, что женщину на том кургане убили года два тому назад? – забросил осторожно удочку Кобяков.

– Да, – кивнул Васенин. – Я уже решил, что нашему бизнесу на скифских вождях пришел конец. Не тут-то было. Эта Маргарита числилась то ли ведьмой, то ли знахаркой знаменитой. И пошел, понимаешь, по поселку слух, что в одну из ночей, но при полной луне, скифский

вождь и ведьма вступят в брак, а те, кто будут присутствовать на свадьбе, станут счастливыми и успешными во всех своих начинаниях. Не знаю, кто эту байку выдумал, наши или приезжие, но пошла она гулять по округе, тревожа суеверных людей. А тут еще могила...

– Какая могила?

– Этой самой Маргариты, – пояснил Степан Петрович. – Я пытался выяснить, кто разрешил похоронить убитую женщину на вершине кургана, но так ничего и не добился. Вот из-за этой могилы Михеич, я думаю, жизни-то и лишился.

– Почему?

– Осиновый кол он в ту могилу вбил и грозил вообще ее разорить, что, вероятно, не понравилось сектантам.

– Хотел бы я взглянуть на ваш курган, – задумчиво проговорил Кобяков.

– А зачем дело стало? – подхватился легкий на ногу Степан Петрович. – До него от поселка верст пять не более.

– На машине проедем?

– Не мы первые туда рвемся и, боюсь, не мы последние.

Кобяков был у кургана два года назад, но местность так и не вспомнил. Скорее всего потому, что подходили они к захоронению скифа в роковую пору другой тропой, куда менее хоженной. Брагинский, помнится, разбудил их среди ночи, сунул в руки каждому по ружью и повел за собою. Шли они минут пятнадцать, двадцать, не более того, потом Валентин Васильевич вскинул к небу руку и шепотом призвал всех к осторожности. А ночь тогда действительно выдалась лунной, во всяком случае, Эдуард очень хорошо видел курган, поросший высоким кустарником и густым подлеском. Черт дернул его выстрелить на шорох. Почудилось, видимо, что-то, а может быть, не выдержали растревоженные после сна нервы. Про волков Эдуарду сказал егерь, якобы повадились они в поселок за живностью. Мало на овец, так на телят уже стали нападать. Разговор шел под местный забористый самогон и под городскую водочку. Закусывали пельменями, которые хозяйственный егерь бросал в чугунный котел, стоявший на пышущей жаром русской печи. Кобяков тогда даже не заснул, а можно сказать, впал в спячку, накаченный алкоголем едва ли не по самую макушку. Немудрено, что он ночью действовал как сомнамбула.

Могила выглядела ухоженной, но ни креста, ни осинового кола Кобяков на ней не обнаружил. Не было и обычных в таких случаях венков с надписями от скорбящих родственников. Даже цветов не наблюдалось. Да что там цветы, если на могиле за два года не выросло ни единой травинки.

– Этот курган прежде в народе Плешиной горкой называли, – пояснил Васенин. – И не случайно, как видишь. По краям кусты и деревца, а посередине даже сорняк не растет.

Здесь, на этой самой проплешине, и обнаружил Кобяков, первым взбежавший на вершину холма, тело, точнее холодеющий труп, обнаженной красавицы. Этой Маргарите было лет сорок, по меньшей мере, а Эдуард почему-то запомнил ее почти юной.

– Вы убитую женщину видели живой? – спросил Кобяков у Васенина.

– Видел, – задумчиво кивнул Степан Петрович. – Она у моего шурина обычно останавливалась.

– Это был не первый ее приезд в поселок?

– Раз пять-шесть она у нас точно появлялась, – подтвердил Вишняков. – Платила за постой щедро. Не бедная, судя по всему, была баба. И этих своих сектантов она держала железной рукой. Пикнуть без ее ведома не смели. Может, потому они ее и убили.

– Серебряной пулей?

– Да, – кивнул Степан Петрович. – Мне свояк ее показывал. Он экспертом в райцентре работает. Но потом областные следователи у наших дело забрали, и больше я о той пуле ничего не слышал.

– У Маргариты остался сын?

– А как же. Помню я его. Чернявый парнишка лет пятнадцати с большущими глазами. Девки прямо-таки приседали от его взгляда, хотя у него еще молоко на губах не обсохло.

Кириллом его звали.

– Кириллом?! – вскинулся Кобяков.

– А что такое? – удивился Степан Петрович.

– Это я так, о своем, – отмахнулся Эдуард.

Кобякову вдруг почему-то вспомнилось пророчество Брагинского по поводу инкуба: не оставит-де тот своих вниманием ни охотников на волков, ни их близких. А ведь Эдуард знал, что сына Валентина Васильевича и Маргариты звали Кириллом, но ему почему-то даже в голову не пришло сопоставить факты. Выходит, минувшей ночью он убил не человека, а инкуба, если это не случайное совпадение имен. В конце концов, в большом городе Кириллов в достатке, а среди них немало юнцов от семнадцати до восемнадцати лет.

– Михеева в своем доме убили?

– Нет, – покачал головой Васенин. – Где убили, не знаю, но тело его нашли здесь на Плешивой горке. У нас сразу слух прошел, что это дело рук ведьмы, вставшей из могилы, чтобы отомстить обидчику, тревожившему ее прах.

– А вы что об этом думаете, Степан Петрович?

– Ничего, – усмехнулся глава поселковой администрации. – Но ночью я к этой могиле не пошел бы.

– Почему?

– Береженого Бог бережет, – покачал головой Васенин.

– Тогда познакомьте меня со своим шурином, – попросил Кобяков. – Хочу поговорить с ним.

– Познакомить я вас, конечно, могу, но мой вам совет, Эдуард Константинович, вы об этой женщине с ним не заговаривайте. Он и без того с тех пор словно умом тронулся. А уж после смерти Михеева и подавно. Они ведь на пару могилу разорить собирались. Спрашивал я его, был он в ту ночь с егерем на кургане, но он молчит, словно воды в рот набрал. А я нюхом чую, что убийцу Михеева он видел и опознал.

– Из своих, видимо, кто-то, – прищурился на председателя Кобяков. – Не хочет выдавать.

– Скорее сам попытается свести с ним счеты. Сабуров мужик хоть и в годах, но отчаянный.

– Тогда тем более познакомь, глядишь, мы поладим.

– А вы зачем приехали к нам, Эдуард Константинович? – вскинул на гостя удивленные глаза Васенин.

– По поводу леспромхоза, – с охотой отозвался Кобяков. – Есть у нас в областной администрации люди готовые его восстановить и с выгодой продать.

– Зряшная затея, – махнул рукой Степан Петрович. – Нет в округе доброго леса, и в ближайшее столетие не будет.

– В этом я уже убедился собственными глазами, – охотно согласился с Васениным Эдуард. – Приеду в город и доложу по инстанции. А как зовут вашего шурина?

– Михаил, – буркнул Степан Петрович, садясь в «Хонду» вслед за владельцем. – Его дом напротив моего стоит.

Михаил Сабуров гостей не ждал и уж тем более из города. Васенину пришлось минут десять топтаться у порога, прежде чем хозяин, наконец, соизволил впустить в дом не только родственника, но и чужака. Сабуров ростом превосходил своего зятя едва ли не на голову, да и в плечах оказался пошире. Словом, глыба, а не человек. На Кобякова он смотрел исподлобья, словно ждал от него какой-то пакости. К столу, правда, позвал, но ничего кроме тарелки с огурцами гостям не выставил.

– А жена где? – спросил Васенин, переживавший, видимо, по поводу негостеприимного поведения хозяина дома.

– Пошла к соседке, – буркнул Михаил. – А вам что нужно?

Васенин досадливо крякнул и укоризненно глянул на заезжего чиновника – дескать, предупреждал же. Но Кобяков в ответ лишь чуть заметно пожал плечами.

– Не буду вам мешать, – сказал Степан Петрович, поднимаясь из-за стола. – Огурцы-то у тебя горьковаты, Михаил. Поливать чаще надо.

Сабуров недобро посмотрел вслед привередливому начальнику и перевел глаза на Кобякова, рука его, лежавшая на столе, сжалась в кулак. Похоже, Михаилу очень хотелось выставить за порог навязчивого горожанина, а возможно даже спустить его с крыльца.

– Успеется, – утешил его Эдуард.

– Что? – переспросил удивленный Михаил.

– Ты слышал, что Брагинского пес загрыз. Большой, черный. А произошло это на следующую ночь после того, как вы с Михеичем пытались разорить могилу.

– Какого еще Брагинского? – набычился хозяин.

– Бизнесмена. Он ведь приезжал к егерю недавно.

– Вот ты о ком, – задумчиво протянул Сабуров. – Был он здесь, это правда.

– Сразу скажу тебе, Михаил, в мистику я не верю. Зато у меня на подозрении есть один очень решительный, даже нагловатый молодой человек.

– Кирилл! – с ненавистью выдохнул Сабуров.

– Вот именно, – кивнул Эдуард. – Сам он убил Михеева или подослал кого-то, не в этом суть. Просто после смерти Брагинского Кирилл наследует очень приличное состояние. Теперь понимаешь?

Сабуров думал медленно, но основательно. Этот сорокалетний кряжистый мужик внушал Кобякову невольное уважение. Его, правда, слегка удивила неприязнь Михаила к своему бывшему постояльцу. Интересно, чем мальчишка насолил взрослому дяде. Может, дочь соблазнил? Эдуарда так и подмывало спросить об этом у хозяина, но он сдержался. Время для откровений еще не пришло.

– Хочешь сказать, что бизнесмен специально подбил Михеича на дурное дело, дабы досадить Кириллу?

– Именно так, – кивнул Кобяков. – А сынок ему этого не простил. Так ходил ты на курган, Михаил, или нет?

– Ходил, – нехотя признался Сабуров. – Замешкался я в кустах, а когда добрался до могилы, егерь был уже мертв.

– Неужели так ничего и не увидел?

Михаил молчал долго, так долго, что у Кобякова холодок пробежал по спине в предвкушении чего-то необычного. И Сабуров не обманул его надежд. Вот только рассказ селянина оказался слишком странным, чтобы городской человек, обремененный высшим образованием, сразу и безоговорочно ему поверил.

– Так ты думаешь, что это была Маргарита? – прямо спросил Эдуард.

– Голая баба – это точно, а за остальное я ручаться не могу.

В принципе все могло происходить в рамках жестокого реализма. Михеев и Сабуров своих намерений не скрывали. В поселке у сектантов наверняка имелись осведомители. Кто-то мог сообщить Кириллу о готовящемся надругательстве над могилой матери, а тот принял свои меры, чтобы раз и навсегда отбить охоту у местных жителей, тревожить прах Маргариты Мартыновой.

– Хочешь сказать, что они специально подложили голую бабу на могилу? – прямо спросил Михаил.

– А у тебя есть другое объяснение случившемуся? – спросил Кобяков.

– Пока нет.

План у Эдуарда созрел простой и эффективный. Сектанты наверняка следят за Михаилом. И если он отправится во второй раз на Плешивую горку, они, скорее всего, повторят свой маневр. Вот тут-то их и следует прихватить за руку.

– А если они нас с тобой прихватят? – оскалился Сабуров.

– Вряд ли, – покачал головой Эдуард. – Им лишний шум ни к чему. Кстати, много сейчас чужаков в поселке?

– У Васильевых гостит племянница, к Угловым приехал какой-то странный тип – вот, пожалуй, и все.

– Ружье у тебя, конечно, есть – прихвати на всякий случай, – посоветовал Эдуард. – Если ты эту стерву на могиле пристрелишь, то спрос с тебя невелик. Но лучше, конечно, взять ее живой.

– А ты что собираешься делать?

– Я сейчас распрощаюсь с Васениным и покину поселок. А ночью сяду в засаду у холма. Действовать будем по обстановке. Если голая сектантка тебя опередит, то я постараюсь ее обезвредить.

– Лучше действовать сообща, – покачал головой Сабуров.

– Хорошо, – не стал спорить Кобяков. – Я дождусь тебя, и мы вместе пойдем к могиле Маргариты.

С хозяйкой Эдуард столкнулся на крыльце. Статная женщина лет тридцати пяти, в легком летнем платье, удивленно глянула на чужака, но все-таки посторонилась, давая ему дорогу. Кобяков ничего объяснять жене Сабурова не стал, ограничился вежливым поклоном и любезной улыбкой. А про себя отметил, что женщина хороша собой, а в юные годы и вовсе слыла, наверное, красавицей.

Васенин, увидев гостя живым и невредимым на своем подворье, вздохнул с облегчением. Судя по всему, он искренне опасался, что визит городского чиновника к местному буяну может закончиться не совсем гладко. Беспокойство главы поселковой администрации Эдуарда откровенно позабавило, и он не удержался от шутки на этот счет.

– Трезвый Михаил сегодня, – пояснил Степан Петрович. – С пьяным я бы вас не оставил.

– Жена у него симпатичная, – улыбнулся Кобяков. – А детей я что-то не видел.

– Бог не дал, – поморщился Васенин и, понизив голос почти до шепота, добавил: – Сабуров потому и привечал ворожею, что она обещала помочь ему в беде.

– Выходит, обманула?

– Да как тебе сказать, – почесал затылок Степан Петрович. – На шестом месяцы Екатерина была, когда случился выкидыш. Супруга мне шепнула тайком, что причиной тому стал Михаил, зверски избивший беременную жену. Я пытался расспросить Ирину, но она лишь зыркнула глазами и отвернулась. Такие вот страсти у нас в поселке кипят, Эдуард Константинович.

Кобяков поохал вместе с Васениным над чужим несчастьем, повздыхал, после чего распрощался с любезным хозяином:

– Что-то надо делать с вашим поселком, Степан Петрович. Производство какое-то открыть, а иначе сопьются люди от безделья.

– Пьют по-черному, – не стал спорить глава администрации. – Так мы на вас надеемся, Эдуард Константинович. Счастливого пути.

Трагедия, случившаяся в семье Сабуровых, крайне заинтриговала Кобякова. Похоже, у Михаила имелись серьезные основания ненавидеть заезжую ведьму. Хотя вроде бы Маргарита Мартынова свое слово сдержала. Екатерина Сабурова забеременела – вот только от кого? Не здесь ли кроется разгадка трагической и не до конца понятной односельчанам истории. Михаил дураком явно не был. И если бы вокруг Екатерины крутился какой-нибудь хахаль, он навер-

няка бы это заметил и пресек безобразие на корню. Однако Сабуров шесть месяцев пребывал в уверенности, что понесла супруга именно от него. Была в этом какая-то загадка, над которой Эдуарду следовало подумать. Благо времени у него хватало. В июльскую пору темнеет довольно поздно. Кобяков даже собрался вздремнуть, но потом передумал. Выспаться можно будет и потом, а пока следует бдеть, дабы не оказаться в конечном итоге в дураках. «Хонду» Кобяков тщательно замаскировал в кустах, благо подручного материала хватало. Правда, машину он оставил в двухстах метрах от кургана и очень опасался, что не сумеет быстро найти ее ночью. Дабы запомнить дорогу, он пару раз прогулялся от «Хонды» до Плешивой горки, стараясь не пропустить важных ориентиров. Одним из которых оказались две сросшиеся березы, стоявшие как раз на полпути к облюбованной цели. К могиле Эдуард подходить не стал – устроил себе лежку в густом кустарнике. Отсюда он мог видеть не только плешь на вершине кургана, но и тропинку, по которой скоро должен был подняться Сабуров. Видимо, Кобяков все-таки задремал, убаюканный тишиной и ласковым июльским ветерком. Во всяком случае, когда он, наконец, открыл глаза, ночь уже вступила в свои права. Кобяков поднял голову и огляделся. Луна, хоть и ущербная в эту пору, давала достаточно света, чтобы можно было сориентироваться в пространстве. Могила, расположенную шагах в тридцати, Эдуард видел смутно. Никакого шевеления там не наблюдалось. Свечения, которое так красочно описывал Васенин, тоже не было. Видимо, скифский вождь, пролежавший в кургане, по меньшей мере, два тысячелетия, не собирался вмешиваться в дела суетливых потомков. Кобяков усмехнулся про себя по поводу людской неумной фантазии и вытянул затекшую правую ногу. Предательски хрустнувшая ветка заставила его вздрогнуть и насторожиться. Кто-то поднимался по тропе, стараясь производить как можно меньше шума. Если судить по силуэту, выросшему вдруг на вершине кургана, то это был мужчина. И хотя черты его лица Кобякову разглядеть не удалось, он почти не сомневался, что перед ним Сабуров. Эдуард уже собирался подняться навстречу Михаилу, когда вдруг краем глаза уловил движение на могиле. Это оказалось настолько неожиданно для Кобякова, что он буквально оторопел от ужаса. А Михаил тем временем уверенно шел к намеченной цели. В правой руке он нес охотничье ружье, в левой – лопату. Не доходя трех шагов до могилы Сабуров вдруг замер в неподвижности. Его широкая спина загораживала Эдуарду обзор, но тот все-таки сообразил, что остановился Михаил неспроста. При чем Сабуров не только остановился, но как-то нелепо взмахнул руками, словно пытался отгородиться от наваждения. Охотничье ружье, ударившись о лопату, глухо звякнуло, и в ту же секунду напряженную тишину разорвал страшный нечеловеческий вопль, почти сразу же перешедший в хрипение. Обомлевший Кобяков не сразу сообразил, что это хрипение смертельно раненого человека. Зато он увидел обнаженную женщину, склонившуюся над поверженным мужчиной. Волосы на голове Эдуарда встали дыбом, он заверещал испуганным зайцем и ринулся вниз с холма в пугающую темноту. Кобяков в эти минуты не соображал практически ничего. Ноги сами вынесли его к «Хонде», а в себя он пришел только после того, как врезался головой в закрытую дверцу. Похоже, последние метры он проделал на четвереньках, порвав о корни и сучья новые брюки. Каким-то чудом Кобяков все-таки сумел взобраться на сидение и вцепиться потными руками в баранку, однако нога, сведенная судорогой, никак не могла наступать педаль газа. Ужас, охвативший Эдуарда, был столь велик, что любой другой на его месте лишился бы рассудка, но Кобякова в этот страшный для него час выручила память. Он вдруг вспомнил лицо женщины, нанесшей Сабурову роковой удар. Это была не Маргарита – это была Екатерина, достойная супруга сурового Михаила. Облегчение Эдуарда оказалось столь велико, что очень скоро вылилось в самую настоящую истерику. Кобяков рыдал от счастья, дрыгал ногами и бился головой о руль. Так продолжалось пять или десять минут, но, наконец, он освоился в предложенной жизнью ситуации настолько, что смог даже попасть фильтром в пляшущие губы. Эдуард выкурил три сигареты подряд, пытаясь избавиться с помощью никотина от наваждения. Пусть и не сразу, но ему это удалось. Звук заработавшего мотора «Хонды» окон-

чательно вернул Кобякова к суровой действительности. В сущности, он стал свидетелем развязки драмы, не имевшей к нему лично никакого отношения. Просто избитая жена отомстила извергу-мужу за погубленного еще в утробе ребенка. Скорее всего, она собиралась убить его еще пять дней тому назад, но ее первой жертвой стал несчастный Михеич, полезший поперед Сабурова если не в пекло, то, во всяком случае, в его преддверие. Следует, однако, признать, что Ирина избрала жутковатый путь к цели. У Кобякова, человека не робкого десятка, тоже умеющего мстить своим врагам, не хватило бы духу, чтобы дважды разыграть сатанинский спектакль. Это же надо додуматься, прийти обнаженной на чужую могилу, чтобы вогнать в транс своего обидчика, а потом хладнокровно ударить его ножом в грудь. Кто бы мог подумать, что женщины могут так ненавидеть. Кобяков находился в дороге уже три часа, но пережитое потрясение давало о себе знать. Дабы не натворить беды, он сбросил скорость до пенсионных восьмидесяти километров в час, однако даже этот бесспорно разумный шаг не вернул ему душевного равновесия. За два дня Эдуард не только сам стал убийцей, но и в определенной степени явился виновником смерти еще одного человека. Вряд ли Сабуров, уже переживший одну страшную ночь, рискнул бы отправиться к проклятой могиле, если бы Кобяков не пообещал ему поддержку. Хотя нельзя исключить и обратного. Ненависть Михаила к Маргарите Мартыновой была столь велика, что вполне могла затмить его не слишком изощренный разум. Эдуарду очень хотелось узнать, чем же так досадила дубосековскому громиле загадочная женщина. Ответ пришел на въезде в город, практически без всяких усилий со стороны уставшего Кобякова, – Кирилл, вот корень всех зол. От его семени понесла Екатерина Сабурова. А Михаил, видимо, слишком поздно сообразил, что и в пятнадцать лет юнец может быть половозрелым. Странно только, что, страшно отомстив жене за обман, он ничего не сделал, чтобы наказать ее юного соблазнителя. Боялся ведьмы Маргариты? Но ведь она к тому времени была мертва. Или у Кирилла действительно есть, как подозревает Завадский, могущественные покровители, сумевшие защитить юнца от враждебных поползновений деревенского хулигана.

Кобяков уже предвкушал заслуженный отдых. До постели ему оставалось проделать всего несколько десятков шагов, но именно эти шаги оказались самыми трудными в его жизни. В первое мгновение Эдуард не поверил своим глазам, потом решил, что сошел с ума, во всяком случае, он остолбенел при виде человека, выходящего из дверей его квартиры. Это был юнец, убитый им в ночь с субботы на воскресенье и каким-то непостижимым образом воскресший утром понедельника. Удар был слишком силен для истрепанных за последние дни нервов Кобякова, он слабо вскрикнул и рухнул, словно подкошенный на заплыванный пол.

Очнулся Эдуард уже на кушетке. Светка, как это и подобает заботливой жене, хлопотала вокруг поверженного мужа с бокалом воды в руке. То, что вода ледяная, Кобяков уже успел проверить на себе. И сейчас вытирал ладонью противные капли с лица.

– Хватит, – прохрипел он старательной жене. – Я уже проснулся.

– Положим, ты не спал, а упал в обморок, – обиделась на Кобякова Светлана. – Мы с Кириллом с трудом затащили тебя в комнату. Ты много работаешь, Эдик, а мне бы не хотелось остаться вдовой в цвете лет.

– Утешители найдутся, – процедил сквозь зубы Кобяков.

– Мне нужен заботливый муж, а не случайные партнеры, – спокойно отпарировала разумная дочь влиятельного папы.

– Кто он такой, этот Кирилл?

– Сокурсник. Приходил за книгой.

– Прямо с раннего утра? – саркастически полюбопытствовал Кобяков.

– Уже полдень, Эдик, – покачала головой Светлана. – Ты действительно заработался.

Кобяков взглянул на часы и растерянно икнул. Видимо, он действительно заблудился во времени. Эдуард попытался вспомнить, когда он спал в последний раз, и с сокрушением вынужден был признать, что с той поры прошли уже сутки. Немудрено, что он потерял созна-

ние на пороге собственного дома. Правда, повод у него к этому имелся. Очень серьезный повод. Кобяков попытался восстановить во всех подробностях ту роковую ночь. У Эдуарда не было сомнений в том, что он стрелял в него. Неужели промахнулся? С расстояния двух метров?!

– Я ведь тебя изнасиловал? – глянул он на Светлану почти с ненавистью.

– Эдик, дорогой, ты в своем уме?! Мне только маньяка в собственном доме не хватало. Ты что, перепил вчера? Загулял с девками? Смотри, муженек. Узнаю, что бродишь на стороне, не ты меня, а я тебя изнасилую.

Вид у Светланы был настолько воинственный, что Кобякову стало не по себе. Бред какой-то. От папиной дочки всего можно ожидать, но актерскими способностями она не обладает. Неужели Эдуарду все это только почудилось – изнасилование, убийство, поездка в Дубосеково, еще одно убийство, безумное бегство по ночному лесу и, наконец, возвращение домой.

– Как фамилия твоего сокурсника?

– Мартынов.

– Он сын и наследник покойного Брагинского, – произнес Кобяков севшим от переживаний голосом.

– Seriously? – искренне удивилась Светлана. – Вот уж не ожидала. Бедный Валентин Васильевич.

Верещагин отнесся к смерти бизнесмена Брагинского с философским спокойствием – все там будем. Впрочем, Анатолий Викторович славился среди своих знакомых отменной выдержкой и хладнокровием. В молодости он занимался боксом, но и к сорока годам сумел сохранить стройную подтянутую фигуру, в отличие от Завадского, давно забывшего не только о спорте, но и о зарядке по утрам. Впрочем, покушать Верещагин любил, а потому не замедлил выразить благодарность хозяйке дома за прекрасно сервированный стол. Начальник департамента строительства и архитектуры мэрии был давним и надежным партнером покойного Брагинского. Неофициальным, разумеется. Формально долей ЗАО «Осирис» владела его супруга Зоя, но все конечно понимали, кто на самом деле вершит серьезные дела в этой семье. Брагинский очень ценил Верещагина за деловую хватку и умение договариваться с нужными людьми. И не раз заверял, что без поддержки Анатолия Викторовича «Осирис» вряд ли достиг бы желанных высот. Завадский с такой оценкой деятельности видного городского чиновника соглашался, но только отчасти. Возможно, виной тому была ревность к успехам Верещагина не только на коммерческом поприще, но отчасти и на политическом. Весьма влиятельный люди в области полагали, что Анатолий Викторович способен стать достойной заменой нынешнему губернатору, уже переступившему пенсионный рубеж. Однако сам Верещагин наверх не торопился и старательно обустранился на уже завоеванных рубежах.

– Жаль Валентина Васильевича, – задумчиво проговорил Верещагин. – Такая нелепая смерть. Надеюсь, этого отставного полковника посадят.

– Не посадят, – буркнул недовольный чем-то Завадский.

– Почему? – удивился Анатолий Викторович.

– Ни он, ни его собака не повинны в смерти Брагинского, так, во всяком случае, утверждают эксперты. Совершенно точно установлено, что в горло Валентина Васильевича вцепился волк, либо собака, но с примесью волчьей крови.

– Странно, – покачал головой Верещагин. – Как волк мог проникнуть в поселок?

– Очень правильный вопрос, Анатолий, – усмехнулся Завадский. – Кобяков считает, что псу или волку помогли заинтересованные люди. Не исключая, что с одним из них я имел несчастье сегодня разговаривать.

– Кто такой? – насторожился Верещагин.

– Некий Климович Артур Вячеславович, адвокат из Москвы. Он защищает интересы несовершеннолетнего Кирилла Валентиновича Мартынова, единственного сына Брагинского. Вот, кстати, его фотография.

– Климовича?

– Нет, наследника.

Завадский бросил карточку на стол, но интерес к ней проявила только Елена Семеновна. Гость равнодушно скользнул по лицу черноволосого молодого человека глазами и пожал плечами – юноша как юноша.

– Я его знаю, – сказала Елена почти спокойно.

Завадский глянул на жену с удивлением. К разговору мужчин она вроде бы не прислушивалась, увлеченная в основном кулинарными заботами, но почему-то в результате оказалась в нужное время в нужном месте. По мнению Аркадия Савельевича, Елена в последние дни вела себя неадекватно, и ее задумчивый вид стал не на шутку раздражать озабоченного собственными проблемами мужа. Видимо поэтому, вопрос Завадского прозвучал грубовато:

– Хотелось бы знать – откуда?

– Я его сбила машиной у ворот нашей усадьбы.

– Вот тебе раз, – растерянно развел руками Верещагин. – А что он здесь делал?

Рассказ Елены Семеновны о происшествии, случившемся в ту самую ночь, когда погиб Брагинский, поверг мужчин в изумление. Разумеется, Завадская опустила некоторые детали, дабы не тревожить чужое воображение, но сведения, сообщенные ею, и без того показались как Завадскому, так и Верещагину странными, чтобы не сказать подозрительными.

– Я уже тормозила, когда он прыгнул под колеса моего автомобиля, это обстоятельство избавило его от травм, а меня от хлопот с правоохранительными органами.

– А как он объяснил свое появление? – спросил Завадский.

– Никак, – пожала плечами Елена. – Мы решили, что его застукал папа, когда он прохлаждался с дочкой.

– А кто это мы?

– Со мной были Зоя и Светлана Кобякова. Мы засиделись у Валентина Васильевича. Изрядно выпили, и я пригласила девочек к себе.

– И что было потом?

– Ничего, – спокойно отозвалась Елена на вопрос мужа. – К утру он совершенно оклемался, и я отвезла его в город. На меня этот юноша произвел очень приятное впечатление. Хотя я к нему особо не присматривалась.

Откровения хозяйки заставили призадуматься не только Завадского, но и скептически настроенного Верещагина, не желавшего видеть в смерти Брагинского злого умысла. Анатолий Викторович вынужден был признать, что присутствие наследника в поселке в ту роковую ночь вряд ли можно назвать случайностью. И в этой связи страхи Брагинского по поводу грядущего возмездия не казались уже ему плодом больного воображения. Конечно, Валентин Васильевич тронулся умом, что с неизбежностью вытекает из его видеопослания, но ведь и для помешательства должны же быть веские причины.

– В инкуба не верю, – покачал головой Верещагин. – Я для этого недостаточно сумасшедший.

– При чем тут инкуб! – возмутился Завадский. – Я тоже не верю, Анатолий, но это вовсе не означает, что мы с тобой должны сидеть сложа руки и ждать, когда шустрые людишки отберут у нас бизнес. Мне недавно звонил Кобяков, он только что вернулся из Дубосеково, и сообщил, что егерь Михеев убит на могиле Маргариты Мартыновой, которую он собирался осквернить.

– Зачем? – спросил Верещагин, потрясенный чужой глупостью.

– Эдуард считает, что Михеев действовал по приказу Брагинского. Похоже, Валентин Васильевич хотел таким образом раздражить мальчишку.

– Он ждал щенка, – подсказала Елена.

– Вот! – вскинул руку к потолку Завадский. – Брагинский был уверен, что разъяренный Кирилл явится к нему для серьезного разговора.

– Я бы тоже явился, – зло усмехнулся Верещагин. – Осквернять могилу собственной жены, пусть и нелюбимой, это, знаете ли, слишком.

– Брагинский считал Маргариту ведьмой, – напомнил чиновнику Завадский.

– Все равно глупо, – пожал плечами Верещагин. – Может, дело здесь не в Валентине Васильевиче?

– А я тебе о чем толкую весь вечер, Анатолий, – всплеснул руками Завадский. – Какие-то подлые люди проводят за нашими спинами хитроумную комбинацию, а мы с тобой не знаем ни их имен, ни их целей. Скорее всего, они хотели не только устранить сумасшедшего Брагинского, но и запечатать в крови его наследника.

– погоди, Аркадий, – поморщился Верещагин. – Я встречался с Валентином Васильевичем накануне отъезда, он выглядел абсолютно здоровым.

– Мне Брагинский тоже не показался больным, – подтвердила Елена Семеновна. – Правда, он смотрелся более оживленным, чем обычно, но это, скорее, от выпитого коньяка.

– И, тем не менее, Попеляев считает, что с мозгами у него было не все в порядке, а в данном случае я склонен больше доверять профессору, чем вам.

– А если психиатр заинтересованное лицо? – спросил Верещагин.

– Все может быть, – нахмурился Завадский.

– Письмо Брагинский мог надиктовать в шутку, просто смеха ради. У него ведь намечался юбилей, на котором мы с тобой собирались присутствовать.

– В тот вечер Валентин Васильевич все время шутил по поводу нечистой силы, – вспомнила Елена. – Пугал Светлану демонами в собачьем и человеческом обличье.

– Вот видишь, – обрадовался поддержке Верещагин. – Не надо, Аркадий, излишне драматизировать события. Все это может оказаться нелепыми совпадениями. Другое дело, что и расслабляться, а уж тем более пускать все на самотек, я бы не стал. Надо присмотреться и к Кириллу, и к адвокату, и особенно к профессору Попеляеву. Не нравится мне его активность.

– Ладно, – не стал спорить с гостем хозяин. – Адвоката я беру на себя. Ты, Анатолий, займись психиатром. Кирилла можно поручить Кобякову.

– Лучше – Елене Семеновне, – предложил Верещагин. – Во-первых, она с ним знакома, во-вторых, она женщина, в-третьих, она врач, а следовательно, сумеет отличить больного человека от здорового.

– Иногда это не так просто бывает сделать, – покачала головой хозяйка дома.

– Ты что, отказываешься? – удивился Завадский.

– Разумеется, нет, – обворожительно улыбнулась Елена. – Тем более что у меня есть повод для встречи – должна же я спросить о самочувствии человека, сбитого моей машиной.

– Вот и договорились, – вздохнул с облегчением Верещагин. – Посмотрим, что это за волчья стая орудует вокруг нашего поселка.

Завадская подхватила Зою у ворот ее особняка. Вид у Верещагиной был встревоженный и даже слегка испуганный. Не исключено, что вчера вечером у нее вышел неприятный разговор с мужем. Однако Елена почти не сомневалась, что послушная жена не стала выкладывать Анатолию Викторовичу все подробности той жутковатой ночи. Зоя примостилась на заднем сидении чужого автомобиля, пряча глаза за стеклами темных очков. Завадской с трудом удалось договориться с ней о встрече, ибо Верещагина, похоже, так и не успела оправиться от потрясения после приключившегося с ней конфуза.

– Я хотела бы извиниться перед вами, Елена Семеновна, – голос Зои задрожал от с трудом сдерживаемых слез.

– Пустяки, – спокойно отозвалась Завадская. – Мы много выпили. У тебя просто сдали нервы.

Сама Елена происшествие с Зоей не считала пустяком. Конечно, зрелище в гостиной, открывшееся их глазам, могло возбудить кого угодно, но не до такой же степени. Сначала Завадская решила, что у впечатлительной гостьи эпилептический припадок. Однако очень скоро сообразила, что это приступ страсти, с которым несчастная Зоя просто не в силах совладать. Она елозила на спине по полу на глазах потрясенной Елены, задрав до пупа подол ночной рубашки и широко расставив ноги, словно отдавалась мужчине. Мужчина действительно был, но внизу, а здесь на лестничной площадке находились только две женщины, одна из которых буквально лишилась разума от раздирающего ее тела желания. Зоя действительно отдавалась, вот только непонятно кому. Елене даже в голову не приходило, что оргазм может достигать такой силы, тем более без участия партнера. Или партнер все-таки был? Завадская за эти дни проштудировала «Молот ведьм», подаренный ей вроде бы шулки ради Брагинским. Самое удивительное, что Елена нашла в страшной во всех отношениях книге точное описание того, что она видела собственными глазами. Этот отрывок Завадская выучила наизусть и сейчас процитировала вслух изумленной Зое:

– Что касается окружающих, то часто многие видели на полях и в лесах, как ведьмы лежали на спине оголенные ниже пупка и, придав членам соответствующее непотребству положение, двигали бедрами и голенями, в то время как демоны-инкубы действовали невидимо для окружающих, хотя в конце акта от ведьмы поднимался в воздух совершенно черный пар, высотой в человеческий рост; но это случается очень редко, потому что этот искусник знает, как привлекать или изменять чувства девиц или других людей.

– Это вы обо мне? – спросила потрясенная Верещагина.

– Ты не пугайся, Зоенька. Я пересказала всего лишь средневековый взгляд на твою проблему. Современная наука дает этому другое, более реалистичное объяснение.

– Какое, например?

– Ну, скажем, продолжительное сексуальное воздержание, помноженное на пережитое потрясение.

– Я бы не хотела обсуждать наши с Анатолием отношения, – сухо отозвалась Верещагина.

– Со мной можно, – возразила Елена. – Во-первых, я врач, во-вторых, твоя подруга, а в-третьих, я тоже стала жертвой непонятного наваждения. Мне сняться сны, Зоя, и очень похабные. А тебе ничего в последние дни не привиделось?

– Мне приснилось, как Кобяков убивает Кирилла. Эдуард сидит в салоне своего автомобиля и держит в руках ружье, и когда наш подкидыш склоняется к нему, тот стреляет ему в грудь. Кирилл падает на землю окровавленным, а Кобяков уезжает.

– Похоже, молодой человек произвел и на тебя, и на меня слишком сильное впечатление, – усмехнулась Завадская.

– Я ведь не все тебе рассказала, Лена, – Зоя все-таки не выдержала и заплакала. – Это случилось, когда ты оставила нас одних. В общем, я ему помогла избавиться от возбуждения.

– Рукой?

– Не совсем, – всхлипнула Зоя. – Не знаю, что со мной тогда произошло. Я ни с кем, даже с мужем... Понимаешь. А там, наверху, я его чувствовала. Всем телом. Он же лежал на мне! Почему ты его не видела?!

Завадская протянула Зое таблетку:

– Выпей и успокойся. Это происходит не только с тобой, но и со мной, и со Светкой. Брагинский считал своего сына инкубом, но его мнение – полный бред. Нам только демонов не хватает, в нашей суровой российской действительности. Скорее всего, Кирилл обладает

незаурядными гипнотическими способностями, которыми пользуется без всякого стеснения. Кстати, ты не ответила на мой самый важный вопрос.

– В последний раз это было между нами три месяца назад, – глухо отозвалась Зоя. – Я думаю, у Верещагина есть любовница. И вообще, он давно погуливает на стороне.

– Ну, милая моя, – покачала головой Елена. – Нельзя доводить себя до такого состояния. Заведи приятеля.

– Легко сказать, – бросила Зоя, успокаиваясь.

– А еще проще сделать. Ты молодая, красивая женщина и если твой муж не желает принимать этого в расчет, тем хуже для него.

– Я не хочу доводить дело до развода.

– В таком случае, сделай все, чтобы он тебя приревновал. Ну, хотя бы к Кириллу. На мужчин ревность действует возбуждающе.

Высадив Зою у магазина, Завадская напрямик отправилась к Светлане. Беспутная жена губернского чиновника еще не проснулась, несмотря на то, что время уже приближалось к полудню. Елене пришлось довольно долго давить на кнопку звонка, прежде чем за дверью послышались шаркающие шаги.

– Долго спишь, милая моя, – сказала гостя, без особых церемоний сдвигая сонную хозяйку со своего пути. В отличие от Зои, тяжело переживающей невольное падение, Кобякова угрызениями совести не мучилась. Трудно сказать, была ли связь с Кириллом первой ее изменой мужу, но драматизировать ситуацию она явно не собиралась. Завадская окинула взглядом неприбранную спальню и прошла в гостиную, тоже не блещущую чистотой. Все-таки Светка была редкостной неряхой. Мало того, что халат она набросила на голое тело, так еще и забыла его запахнуть. Будь Елена мужчиной, наверняка бы соблазнилась этим еще не остывшим после сна телом.

– Кофе хотите, – спросила Светлана, потягиваясь.

Завадская почувствовала неловкость. В какой-то миг ей показалось, что распутная молодая бабенка действительно хочет ее соблазнить своими сомнительного вида прелестями. Какая наглость, однако!

– Кирилл давно от тебя ушел? – в лоб спросила она у Кобяковой.

– Моего мужа зовут Эдуардом, – напомнила хозяйка оплошавшей госте.

– Я спрашиваю тебя о любовнике.

– А откуда вы знаете, что он здесь был? – удивилась Светлана.

– Видела во сне, – ласково улыбнулась Завадская. – Неси свой кофе, дорогая.

Мебель в гостиной оказалась финской, впрочем, в данную минуту Елену больше интересовал кабинет хозяина. Именно туда она отправилась, как только рассеянная хозяйка ушла на кухню. К счастью, дверь в кабинет была не заперта. Завадской хватило всего нескольких секунд, чтобы опознать письменный стол, секретер и кресло, придвинутое к стене. Она безошибочно выдвинула нужный ящик и обнаружила там именно то, что и ожидала увидеть – патроны. Два из которых предназначались для Кирилла и Светланы. Елене стало страшно. Она никогда прежде не бывала в этой квартире, сегодняшний визит к Кобяковым оказался для нее первым. И все-таки она точно знала, что на лоджию выходят две двери, и что именно там хозяин хранит в разобранном виде свой старый велосипед, видимо как воспоминание о беспшабашной юности. Сон Елены совпал с реальностью даже в малейших деталях, значит, он не являлся сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.